

Легенды северного ветра

ЗА СЕВЕРНЫМ ВЕТРОМ

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

ЗА ДЕВЯТОЕ НЕБО

ЕКАТЕРИНА МЕКАЧИМА

ЗА
ДЕВЯТОЕ
НЕБО

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М46

Иллюстрация на переплете и внутренние иллюстрации
Екатерины Мекачимы

Внутреннее оформление *Екатерины Тинмей*

Мекачима, Екатерина.

М46 За девятое небо / Екатерина Мекачима. — Москва : Эксмо, 2022. — 640 с. : ил.

ISBN 978-5-04-164418-5

Нить Судьбы запуталась.

Веслав отправляется на поиски пропавшей жены, а Кудеяр в его отсутствие провозглашает себя царём. Марья пытается спасти Лес, а Мирослава идёт за серебряной песней. Война на Юге полыхает огнём, княжества сдаются одно за другим, а с Севера дуют ветра смерти.

Сваргорулю потрясают битвы, на землю приходит голод и опускается Тьма. Судьбы героев сплетаются, границы между добром и злом становятся зыбкими, и пророчества сбываются.

Люди узнают, что тот, о ком теперь слагают страшные сказки, не погиб.

Но они не знают, что за Девятое Небо отправились те, кто готов вернуть Свету надежду, и что в решающий час одержит верх тот, кто победит свою Тьму.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164418-5

© Мекачима Е., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Она видела сны.

Среди бархатной тьмы высились скалы,
что терялись среди облаков. Вокруг скал бушевал океан,
и от его рокота содрогался мир. Волны чёрные,
с белой пеной, вздымались до небес,
и ветер Смерти летел к Свету...

Она видела, как отчалили корабли
и ледяные ветры наполнили их паруса.

Она чувствовала пронзающий душу ветер вечной печали —
его холод обжигал, будто огонь Юга.

Невыносимая боль утраты обратилась пламенем,
и она увидела, как на далёком Севере, где воды океана
сковало ледяное дыхание Неяви, был разрушен
Мёртвый Град. Осколки хрустальных теремов
парили над бездонным зевом Колодца.

Во тьме Колодца, на той стороне, подле могучего
чёрного Дуба покоился гроб из хрусталя,
что хранили чёрные как ночь птицы.

В гробу она увидела себя, скованную цепями холода.

Её сон хранила Песнь — едва различимая,
но совсем настоящая. Внимая музыке,
она не слышала печального шёпота Ветра, что пытался
разбудить её, — она засыпала мёртвым сном,
и Тьма принимала её в свои объятия.

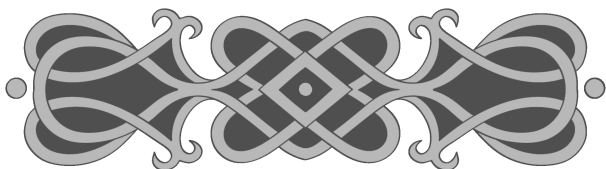

ЧАСТЫ
ТЬМА
СГУЩАЕТСЯ

ГЛАВА 1

Дочь Леса

Едва слышимая песнь затмила бытие серебряным сиянием, и когда свет померк, Марья увидела мир: благоухающий, окрашенный первыми красками осени лес. Солнечные лучи водопадами струились сквозь ещё густые кроны, лёгкий ветерок качал ветви, и деревья шептались. Звонко пели птицы — чудесное многоголосье разливалось по ароматному воздуху.

Марья закрыла глаза и вдохнула полной грудью: она чувствовала сладковатый запах подвявшей листвы, сырой земли, грибов, поздних осенних цветов, мха... Запахи наполняли её, они были живыми, как и она сама. Русалка медленно и глубоко дышала, внимая силе Света, что пронзала весь лес. И с каждым вдохом отступали тянущая печаль и сухая злость, одолевавшие избравших путь Неяви, с каждым вдохом дух Марьи всё больше пробуждался от тяжёлого сна, а тело наполнялось крепостью.

— Какая благодать! — прошептала Марья и открыла глаза. — Как же чудесен Свет!

Дрозд, щебеча, кружил вокруг русалки.

— Да-да, — кивнула ему Марья и посмотрела на свой тояг, бубенцы которого тихо качнулись. — Я помню, зачем я здесь. Не переживай, птица, я вернусь за Светозаром, как и обещала, — улыбнулась русалка и оглядела себя. Теперь её тело было настоящим, с сияющей кожей без ожогов; Марья осмотрела свои локоны, что нынче светились медью в солнечных лучах.

Дрозд прощептал вновь и опустился на тояг.

— Соглашусь, одеяние из хвои неуместно для Великого Вече, но другого у меня нет, поэтому отправляюсь так, — усмехнулась Марья и направилась по лесу. Деревья и кустарники с почтением убрали ветви перед дочерью Леса. Марья ступала неслышно, едва касаясь земли босыми ногами. — Тут недалеко есть маленькая полянка, с неё выйдем на заморожённую тропу и прибудем на Вече вовремя, — говорила Марья Дрозду, что, вспорхнув с тояга, полетел впереди.

10 Великая Поляна располагалась на границе Северной и Южной Тайги, там, где Белая река, не доходя до Русалочьего озера, превращалась в звонкий ручеёк и сливалась с лесом. Просторное поле, обнесённое древним частоколом, окружённое непроходимым бором, — только лесные народы — лешие, вилы да берегини — могли найти заветное место, скрытое ворожкой от посторонних глаз и служителей Мора.

Сердце Марьи забилося сильнее, когда впереди по обеим сторонам наврождённой тропы сквозь туман проступили мощные деревянные столбы врат, ведущих на Великую Поляну. Ставший серебряным Дрозд летел перед русалкой, освещая дорогу и тёмный непроходимый лес, терявшийся в звенящей тишине Царствия Индрика.

Перед вратами Марья остановилась: высокие брёвна покрывали древние руны и тускло светящийся мох; пространство между ними мерцало ажурным кружевом ворожки.

— Нам пора, дочь Леса. — Дрозд закружил вокруг Марьи. — Хорс вот-вот опустится в Нижний Мир, и начнётся Вече.

— Подожди, птица, — прошептала русалка и тяжело вздохнула, опершись на тояг. Дрозд опустился на посох Марьи. — Страшно мне вот так в Свет явиться. Чувствую теперь, будто вновь человеком стала. И страх, и боль, и обиду, и радость, и... — тут Марья запнулась, вспомнив о Светоза-

ре. От мысли о том, кем он теперь стал, сжималось даже её мёртвое сердце. И она была в том виновата — из-за неё погиб сварогин, в душе которого был настоящий свет. — Знаешь, птица, — вновь обратилась к Дрозду Марья, — когда ты живёшь во мраке, все чувства мертвы и всё видится иначе. Даже тлеющие угли собственного света — смотришь на них со стороны, а душа молчит. Вот что делает нас мёртвыми — бесчувствие. Чувства же — буря, и я не могу к ней привыкнуть.

— Привыкай, Марья, — пропел Дрозд, — но быстро. Времени у нас нет. Поступок Светозара не должен быть напрасным.

Русалка хмуро посмотрела на Дрозда.

— Я спасу его, птица, — ледяным тоном сказала она. — Я не смогу быть берегиней с таким камнем на сердце.

— Только сначала, как обещала, спаси Лес. — Дрозд указал крылом в сторону врат и вспорхнул. — Нам пора.

Марья кивнула, вздохнула и зашептала: теперь ей было ведомо Слово Леса, как его дочери. И, вторя шёпоту русалки, ворожба, хранившая древние врата, осыпалась мхом, открывая взору Великую Поляну.

Перед Марьей предстало огромное поле, освещённое жёлто-зелёными огнями; медно-алое небо заката покоилось в ажурной оправе далёкого леса. Марья замерла в нерешительности: Великая Поляна была оживлена — и лешие, и берегини, и вилы явились на Вече. Подле врат, в которых стояла русалка, тёк тоненький ручеёк — Белая река сливалась с лесом, Русалочье озеро осталось далеко в чаще.

Дрозд прошептал, и Марья, решившись, прошла между брёвен-врат. Как только русалка ступила на жухлую траву Великой Поляны, наворожённая тропа позади неё исчезла, а ближайшие к частоколу лешие обернулись и ахнули.

— Русалка?! — удивился маленький полевик, невольно пятясь назад. — Как так-то?

— Какая русалка? — отозвалось из толпы.

— К нам пожаловала нечисть! — рыкнул один из емаганов, грозно потрясая копьём.

Толпа волновалась, лешие рычали, берегини возмущались, а вилы тихо шептались.

Марья остановилась, крепче сжав тояг; Дрозд кружил над её головой.

— Как ты смеешь? — из толпы вышла берегиня. Сохатая наклонила голову набок и хмуρο посмотрела на русалку. — Неужели Тьма теперь и в Царствии Индрика обитает? И что тебе надобно, мёртвая?

— Я такая же мёртвая, как и ты, рогатая, — с вызовом ответила Марья, гордо вздёрнув подбородок. Берегиня ахнула; толпа за ней ещё больше оживилась. Несколько стоящих поодаль вил взмахнули прозрачными крыльями. — Если ты, дева Леса, обратишься к своему Духу, а не к гневу, то почувешь, что я — дочь Леса. — Марья кивнула на тояг.

Берегиня недоверчиво окинула взором русалочий посох, посмотрела на Дрозда, шагнула к Марье ближе и, шумно втянув носом воздух, закрыла глаза.

— Правду говоришь, — медленно протянула и вновь взглянула на хмурую русалку. — Какую душу Мору вместо себя отдала?

Дрозд, закружив над берегиней, сердито прощелбетал.

12

— Не отдавала я Топи душ, — прищурилась Марья, и берегиня отпрянула. — Светозар по своей воле меня вызволил, ради спасения Леса. Ведь грядёт война великая, вот ради чего Вече собралось.

— Неясное молвишь, — оцетинилась берегиня и зашептала, но Марья, стукнув тоягом оземь, прервала её ворожбу.

Сердце русалки захлестнула холодная обида: раньше люди её не принимали, а теперь и Лес, что она спасти должна, не жалует!

— Отойди с дороги, сохатая, — сказала Марья и медленно пошла вперёд вдоль ручья. Берегиня, недоверчиво взирая на Марью, отступила. — Вы все расступитесь! — сдерживая гнев, повелела русалка лешим, и те, глухо переговариваясь, освобождали путь деве с лесным тоягом, бубенцы которого тихо и мягко перестукивали.

Марья, гордо подняв голову, медленно шла сквозь толпу, расступавшуюся перед ней, Дрозд летел следом; еловое одеяние Марьи тихо шелестело, по серебряной воде ручейка стелился серебристый туман. Холодные взгляды сторонивше-

гося нави лесного народа леденили душу русалки, обида по-
лыхала пламенем, но Марья, вспомнив о Светозаре, отогнала
безрадостные думы.

Лешие с рыком отошли, и взору Марьи предстало сердце
Великой Поляны: древние деревянные столбы окружали си-
девших на брёвнах старейшин леших, крылатых златовласых
вил и сохатых берегинь. Подле большого костра на деревян-
ных, покрытых мхом, грубых тронах расположились князья
леших, великие берегини и вилы. Ручеёк Белой реки уходил
в землю подле огня. Отсветы жёлто-зелёного пламени пляса-
ли на плащах и тоягах правителей лесных княжеств; шерсть
леших отражала свет, а рога берегинь, как и полупрозрачные
крылья вил, тихо мерцали. На спинках тронов позади леших
сидели птицы, как догадалась Марья — проводники.

Русалка невольно замедлила шаг: её взор упал на малень-
кого седого полевика, восседающего на троне, гораздо больше
его самого; на лешем была человеческая одежда: штаны, ону-
чи и лапти; на льняную рубаху, перехваченную алым поясом,
накинут зелёный плащ. Жёлтые глаза лешего смотрели на Ма-
рью пристально; на спинке его трона сидел белый филин.

Русалка с трудом отвела взгляд от полевика: она шла меж-
ду брёвен, на которых сидели старейшины, и со всех сторон
слышался холодный, будто ветер Неяви, шёпот:

- Навь... навь из Царствия Индрика пришла!
- Неужели Тьма наводнила и Небо Индрика?
- Чей у неё тояг?
- Кого она умертвила?
- Зачем явилась?

Марья, не дойдя до престолов, резко остановилась. Русал-
ка тяжело дышала, сдерживать гнев становилось всё труднее:
как же она отвыкла быть живой! Великий Индрик! Какое же
это мучение!

— Он погиб, спасая вас! — воскликнула Марья, не вы-
держав. На Великой Поляне воцарилась тишина. Даже жёлто-
зелёное пламя перестало трещать. Марья расправила плечи
и оглядела собравшихся. — Он не меня спасал, а вас! — по-
вторила русалка громко, и Дрозд, чирикнув, сел на тояг. —
Потому что только мы, русалки, сможем затушить стену ог-

ня, что погубит Лес зимой! Только кровью своей — мёртвой водой — мы сможем потушить огонь Хорохая!

— Какой огонь? — раздалось из толпы, окружавшей скамьи.

— Огонь зимой?! Морок решила наслать, нечистая, да? — гневно вопрошал ещё кто-то.

— Что случится с Лесом? — спросила сидевшая недалеко от Марьи вила. Русалка посмотрела на крылатую деву с золотыми волосами, облачённую в шёлковый плащ.

— Грядёт война, — сказали позади, и Марья обернулась: тот самый в человеческой одежде полевик, хмуро глядя на русалку, говорил: — Война всего Света. Ради этого я созвал Великое Вече, — слова лешего прокатились над Великой Поляной и сгустились тишиной. — Только твоей, русалка, крови не хватит, чтобы остановить грядущее, — добавил полевик печально.

— Моей — нет, — покачала головой Марья и медленно пошла к лешему. Дрозд вспорхнул с тояга и опустился на плечо русалке. Сидевшая рядом с полевиком берегиня внимательно смотрела на Марью. — Но если соберутся русалки со всей Тайги, с Северной и с Южной, мы одолеем огонь Юга.

14

Леший усмехнулся.

— И кто их соберёт? Тебе одной такое не по силам.

— Ты, княже, и Светозару так сказал, верно? — прищурилась Марья, и взгляд лешего налился темнотой. — Ты — князь Дреф, так? — спросила она, остановившись напротив князя Йолка.

Полевик кивнул.

— Ты ошибся, княже, — гордо проговорила Марья, и её окружил шёпот собравшихся на Вече, но русалка не вняла ему. — У Светозара получилось.

— Я вижу, — сухо сказал Дреф.

— И у меня получится, — уверенно ответила русалка, и Дрозд на её плече согласно пропел. — Я спасу Лес, а затем вернусь в услужение к Топи, как и обещала Светозару. — Марья поклонилась Дрефу и отступила назад. — Ибо только так я смогу искупить вину за то, что сама себя погубила.

Дреф продолжал хмуро смотреть на Марию; по Великой Поляне летал встревоженный шёпот.

— Что же стало со Светозаром? — прошептал кто-то, и Мария обернулась: на ближайшем бревне сидела высокая рыжая гаркунка и печально смотрела на русалку. На тояге гаркунки сложила крылья Свиристель.

Рядом с лешей расположились высокий юный белый ел-маган, птицей-проводником которого был Воробьиный Сыч; гаркун с помощником-Кедровкой; маленький светло-бурый полевик, на навершии тояга которого чистил пёрышки красноватый Щур, и взрослый бурый бородатый гаркун — лешие внимательно смотрели на Марию, как и остальные собравшиеся на Вече.

— Светозар в плену у Топи вместо меня, — ответила Мария, и гаркунка прикрыла ладонью рот. Взволнованный шёпот стал громче. — Сын Леса спас меня ради вас. Светозар всей душой любит Лес, любит каждого из вас, — русалка обвела взглядом леших, вил и берегинь. — Я прежде не встречала сварогины, в душе которого было бы столько света. Даже зная, что вы отвернётесь от него, он пожертвовал собой ради вас. — Мария вновь обернулась к Дрефу.

— Я знаю, — ответил князь Йолка. — Но я не мог благословить Светозара на поступок, который угрожал погубить весь Свет.

— Поэтому я не спрашиваю твоего благословения, княже, — ответила Мария, и Дреф нахмурился. — Хотя я теперь и дочь Леса, но, как русалка, свободна. Я пришла на Вече, чтобы сказать вам о том, что я соберу русалок и мы потушим огонь. — Мария легонько поклонилась Дрефу.

Взволнованный шёпот превратился в смятение: дети Леса тревожно переговаривались. Мария чувствовала холод, витавший над Великой Поляной: многие ей не верили, считая её речи обманом. Дрозд взлетел с плеча русалки и закружил над нею.

— Ты полагаешь, будто сможешь справиться сама? — мягко удивилась сохатая берегиня, сидевшая рядом с Дрефом, и русалка на неё посмотрела. — Какими бы благими твои намерения ни были, — берегиня положила на серд-

це руку, — без единства душ детей Леса ты их не осуществишь.

— Получилось у Светозара, получится и у меня, — гордо вскинула подбородок Марья.

— Почему ты даже не просишь нашей помощи? — удивилась берегиня. — Только потому, что тебе не верят? — вопрошала сохатая, и русалка хмурилась. — Может, стоит обратиться к душам детей Леса, чтобы они поверили твоему свету? Как же ты навий собралась пробуждать, раз с нашей тьмой справиться не можешь?

Марья, тяжело дыша, гневно взирала на берегиню.

— Каждая навь мечтает обратиться к Свету, — прошелестела русалка. — Вы же в Свету живёте, оттого не видите его.

— Спорить можно долго, — пробасил восседавший по другую лапу Дрефа седой с древесными глазами гаркун, и на Поляне вновь воцарилась тишина. — Ты явилась до того, как мы успели поведать Вече о том, зачем собрались, — продолжал леший, и его птица — Глухарь — наклонила голову набок, рассматривая Марью. — Может, после того как великий князь Дреф передаст всему Вече видение Светозара, которое его бывший ученик являл ему, мы поверим тебе.

— Благодарю, Ахр, — кивнул, положив лапу на сердце, Дреф и посмотрел на Марью. — Я поведаю всем видение Светозара, и потом мы ещё раз выслушаем тебя.

Марья отошла в сторону, и Дрозд опустил на её тояг. Собравшиеся на Вече беспокойно оживились: многие не были согласны с Дрефом, но никто не смел открыто перечить древнейшему лешему Тайги.

— Великая Миродрева, — обратился Дреф к сидящей рядом с ним берегине, — добавьте своё Слово к моему.

Сохатая легонько поклонилась и взяла маленькую лапу князя; другой лапой Дреф взял лапу ведая Ахра, тот — сидящего на соседнем троне грозного елмагана в зелёном плаще, накинутом поверх одеяния из вывороченных шкур. Расположившаяся рядом с елмаганом крылатая серебровласая вила в сарафане и шёлковом плаще робко вложила ладонь в лапу лешего и кивнула Марье, подзывая её к себе.

Марья нерешительно подошла к виле и протянула ей ру-

ку. Когда вила взяла ладонь русалки, та ощутила невероятное тепло, согревшее умиротворением дух. Когда-нибудь и Марья научится тому же — когда спасёт Лес и Светозара. Если позволит Топь... Но мягкое касание прервало безрадостные думы, и Марья обернулась: молодая рыжая лешая, которая спрашивала её о Светозаре, стояла рядом, протягивая ей ладуну, и Марья взяла мягкую и горячую ладонь гаркунки.

Когда все присутствующие на Великой Поляне взялись за руки, Дреф закрыл глаза и зашептал. Маленького князя окружило мерцающее зелёным кружево слов, что тихой песнью поднималось над Великой Поляной, оплетая детей Леса. Нежная мелодия, в которую превращался шёпот Дрефа, разливалась по миру, застывая его.

Марья не могла противиться тихому велению и закрыла глаза. За закрытыми веками русалка увидела пронзительное голубое небо над бескрайней пустыней, простиравшейся до великих гор; видела орду, преодолевшую эти горы и захватившую ближайšie к ним города сварогинов; видела, как великий огонь колосаев разливался по северным просторам, возжигая всё новые земли; видела, как будущей зимой грянула суровая битва, и стена испепеляющего пламени двинулась на лес...

17

Когда видение померкло, душу сковала тёмная печаль: в видениях Мора, что являлись Марье в плену у Топи, не было той неизбежности, что сквозила в предостережении живых — мёртвые не чувят мир так явно.

Русалка открыла глаза и осмотрела собравшихся на Вече детей Леса: дух каждого опутал тёмный страх. Державшая руку Марьи гаркунка отпустила её ладонь и села.

Вечернее небо наливалось густой синевою, и огни Великой Поляны светились ярче в воцарившейся тишине, играя на высоких древних столбах, одеждах собравшихся, отражаясь во взволнованных глазах.

— Если видение правдиво, — тихо прорычал сидящий на троне могучий елмаган, — даже объединение народов Леса может не спасти...

Тишина подёрнулась возгласами: теперь дети Леса обсуждали явленное, и оно пугало их.

— Война в Свету! — слышались тихие слова.

— Неужели Индрик позволит подобное?

— Пало Слово Гор!

Князь Дреф стукнул тоягом оземь, и голоса стихли.

— Объединение — единственное, что может нас спасти, князь Йергал, — ответил Дреф и обратил взор на Марью. — И та, кто добровольно обратилась к Свету, может нам в этом помочь.

Марья удивлённо посмотрела на полевика, слова которого ещё больше взволновали Вече.

— Учитель, разве она пришла к Свету добровольно? — уточнил молодой белый елмаган, сидевший на скамье рядом с рыжей гаркункой. — Разве не Светозар ей в том помог, отдав свою душу Топи платой за её свободу?

Слова елмагана поддержали многие: лешие согласно переговаривались.

— Айул, Марья пришла к Свету добровольно, иначе бы Светозар не смог спасти её. Привести к Свету, как и спасти без желания духа, никого нельзя, — мягко, но властно отвечал Дреф, и голоса собравшихся стихли. — Светозар спас Марью по своей воле. Сын Леса, невзирая на мой запрет, добровольно отправился к Топи и вызволил русалку, отдав за неё свою душу. Будем благодарны Индрику за то, что у сварогина получилось пройти испытание Леса.

— Испытание Леса? — ахнула рыжая гаркунка. — Что вы говорите?

— Лес даровал Светозару суровое испытание, Иванка, — печально ответил Дреф, и Марья не поверила своим ушам. — Не у каждого хватило бы сил и воли пройти его. И когда Светозар попал в плен к русалкам, когда его искушали оборотни-мавки, я испугался того, что у него не получится. — Дреф немного помолчал и, обратив взор на Марью, проговорил: — Поэтому я и запретил сыну Леса следовать за тобой, Марья. Если бы он не прошёл своё испытание, если бы не справился со своей тьмой, Тьма завладела бы и Светозаром, и Царствием Индрика, и Светом.

Растерянная Марья молча смотрела на Дрефа: русалка не ожидала услышать подобное.

— Отвратить неизбежное нельзя, — сказала Миродрева, и Марья взглянула на берегиню. — Даже суровое испытание.

— Суровые испытания ведут к великим переменам, — прохрипел ведай Ахр.

— Это испытание дано не только Светозару, — нараспев промолвила вила, восседавшая на троне рядом с Йергалом. — Оно ниспослано всем нам — всему Лесу и всему Свету. И только объединившись, мы сможем пройти его, — вила перевела взгляд на Марью. — Вилы помогут тебе, мёртвая дева, вести своих сестёр к Свету, дабы спасти Лес. — Крылатая дева положила на сердце тонкую руку и легонько поклонилась Марье.

Над Поляной холодным шёпотом пронеслось удивление.

Поражённая услышанным Марья поклонилась виле, Дрозд на тояге русалки согласно пропел.

— Светолика, великая вила Лесограда, готова помочь тебе, Марья, — обратилась к русалке Миродрева, и Марья подняла на неё взор. — Хоть обида не покинула твою, русалка, душу, я вижу — ты честна с нами, и ты действительно желаешь спасти и Лес, и Светозара.

Марья, положив руку на сердце, кивнула великой берегине.

— Я желаю того больше всего на свете. Хоть тьма и гложет моё сердце, духом завладеть я ей не дам. Птица знает, — русалка взглянула на пропевшего в ответ Дрозда.

Миродрева кивнула.

— Берегини помогут тебе, дочь Леса, — положила на сердце руку она.

Удивление, летавшее среди огней во тьме Поляны, окрасилось тихим негодованием: не все были согласны с решениями древнейших детей Леса. Толпа, собравшаяся за спинами старейшин, оживилась.

— Русалка может нас предать! — воскликнул кто-то.

— Ещё как может! И заморозить.

— Да, заморозить, и глазом моргнуть не успеешь!

Марья обернулась на Вече: несмотря на то что некоторые уже смотрели на русалку без злобы, были те, кто взирал на

неё с нескрываемым гневом и холодом. И таких — и леших, и вил, и берегинь — было немало.

— Я полагаю, надо довериться воинской силе, а не тёмной ворожбе умертвия, — грозно прорычал со скамьи воинственный белый емаган — воевода Йолка Ледогар. Лешие поддержали его; многие вилы, как и берегини, кивали его словам.

— Да, топор, копьё и меч — наши самые надёжные помощники, — пробасил восседавший на троне князь града леших Ольха — емаган Йергал. — Куда надёжнее ворожбы русалок.

— И как ты, княже, собрался воевать с огнём? — обратился к Йергалу Дреф. — Перед пламенем воины бессильны. — Дреф обвёл взглядом Вече. — Сокрушить ворожбу может только ворожба, и смертельный огонь потушит только мёртвая вода.

— Главное, чтобы мёртвая вода нас не погубила, — заметил старейшина Славол, сидевший недалеко от йарей Дрефа.

— Согласен, — рыкнул Йергал.

20

Вилы, русалки и лешие — многие из них, видела Марья, кивали словам седого бородатого гаркуна: несмотря на веление древнейших, дух Вече пронизывали и страх, и неверие, и беспокойство.

Ночь сгустилась, и пламя костра, подле которого собралось Вече, устремлялось к украшенному серебряными звёздами небу. Треск огня сливался с взволнованными голосами собравшихся.

— Я сама себя погубила, когда в огонь ступила, вот и стала навью, — проговорила Марья громко, и голоса стихли. — Топь забрала меня в услужение против воли — я не хотела быть её новой Хозяйкой, — продолжала русалка, и Дрозд, расправив крылья, согласно пропел. — Обида на людей и неразделённая любовь толкнули меня в пламя. Я не хотела становиться русалкой, я была готова уйти в Морово Царствие... Но сие случилось со мной, потому что своё земное испытание я не прошла — я прыгнула на празднике Весны в костёр на глазах у своего бывшего жениха и его новой девы,

Яролики. — Марья смахнула слёзы. — Я хотела сделать им больно. Хотела испугать всех, кто смеялся надо мной, на том празднике. Хотела заставить страдать свою семью, что не жаловала меня, как я мыслила. — Русалка шагнула ближе к собравшимся. — Да, у меня получилось. Я видела их страдания и угрызения совести, когда стала русалкой. Я видела слёзы своей матери. Слёзы того, кого любила... Иван горевал обо мне, даже свадьбу решил играть позже. Только я тоже страдала: Тьма забирала мои память и чувства, и в душе остались только пламя, спалившее меня нестерпимой болью, ледяная злоба и желание всех заворожить, сбить с пути, чтобы они стали как я... — Марья помолчала. — А потом я встретила Светозара, и в его душе было столько Света, что я вспомнила... Я вспомнила, что когда-то была человеком. Я захотела стать берегиней — неупокоенной душой, но неупокоенной в Свету. — Марья вздохнула и тихо продолжила: — И теперь, чтобы вернуть Свет в свою душу, мне надо пройти куда более сложный путь, чем путь человека. И я готова отдать жизнь за спасение Леса, готова вернуться за Светозаром. Я не позволю мёртвой воде погубить Лес.

Неверие тишины Великой Поляны медленно сменялось состраданием — Марья чувствовала настроение детей Леса.

— И великое поражение может обратиться великой победой, и наоборот, — нарушил молчание Дреф. — Я собрал это Вече, дабы поведать о видении Индрика всем народам Леса. Мой ученик, которому Индрик явил грядущее, отдал жизнь, спасая русалку. Светозар знал, что, кроме обращённой к Свету нави, никто не сможет затушить огонь Юга. Мой юный ученик один с достоинством прошёл испытание Леса, несмотря на то что я, из-за страха, овладевшего моею душой, его не благословил. — Дреф немного помолчал и продолжил: — Так пройдем же мы все дарованное нам испытание. Поможем Марье собрать русалок и объединим все силы Леса — и Света, и Тьмы — перед предстоящей войной.

Теперь Марья чуяла сомнение, парившее над Вече: соглашаться со словами древнейшего лешего было страшно многим, но сулившее тёмное время будущее пугало не меньше.

— Я помогу тебе, Марья. — Иванка встала со скамьи и сердечно поклонилась русалке. — Я обещала во всём помогать сыну Леса Светозару. И если он отправился к Топи, спасая тебя, значит, помогая тебе, я помогаю не только Лесу, но и Светозару, — лешая внимательно смотрела на поклонившуюся ей в ответ Марью. — Ты теперь — дочь Леса, — продолжила Иванка, — как и я. И мой долг дочери Леса — помогать тебе и всему Лесу.

— Я тоже помогу тебе, — спрыгнул со скамьи маленький светло-бурый полевик. — Несмотря на то что я полевой леший, дух у меня силен, — уверенно проговорил Ватан. Марья поклонилась ему.

— Мы с Явихом тоже с тобой, Марья, — встал Айул; следом, взъерошив волосы, поднялся Явих.

— И Лый с вами, — пробасил бородатый бурый гаркун и положил на сердце лапу.

— Вилы чувят Тьму, русалка, — поднялась одна из сидевших на брёвнах вил. — Великая Светолика поверила тебе, да и я не вижу мрака. Сейчас не вижу. Но если ты оступишься, знай — вилы не посмотрят на жертву человека, и мы вернём тебя во Тьму, у нас есть такое Слово.

— Я не оступаюсь, крылатая, — холодно ответила Марья. — И не потому, что ты сказала так, а потому, что я сама решила, — вздёрнула подбородок русалка, и вила кивнула.

Следом за вилой пообещала помочь Марье одна из берегинь; поднимались другие вилы, лешие, и даже воинственный Ледогар, хоть и молчал, но смотрел на русалку не так сурово.

Когда почти все присутствующие выразили своё согласие, Дреф стукнул посохом оземь, и голоса стихли.

— Большинство собравшихся готовы помочь Марье, — заключил полевик.

— Но не все, — перебил его Йергал.

— Все никогда не бывают единодушны, — спокойно ответил Дреф. — Но решение Вече — решение большинства, а не всех, — с нажимом сказал князь Йолка, и Йергал недовольно рыкнул. — Я ручаюсь за неё, — добавил Дреф и перевёл взгляд на Марью: — Мы поможем тебе, дочь Леса, как и ты поможешь нам. Коли удастся тебе нарушить грань

между мирами и разжечь в неупокоенных душах Свет, мы последуем за тобой, — великий князь положил маленькую лапу на сердце, и Марья поклонилась ему. — Да поможет нам всем Индрик, Лес и его Песнь.

В предутреннем лесу царила сонная тишина: между высокими деревьями стелился серебряный туман; узор крон распулся кружевом по тёмному небу, словно древняя ворожба.

Дрозд опустился на тояг, и Марья остановилась, прислушиваясь: шёпот тишины походил на далёкую заупокойную песнь. Едва слышимая мелодия овевала студёным духом, парила вместе с туманом, отражалась в холодной росе, что, дрожа, звенела на редких травинках.

Дрозд вспорхнул, и Марья, едва касаясь земли ногами, обутыми в черевички из мха, подаренные ей берегинями, тихо шла на зов песни. Непривычное платье, данное вилами, и зелёный плащ леших мешали, но русалка старалась привыкать к одежде.

23

Музыка делалась громче, прекраснее: она пела о лесах и полях, о жарких степях и высоких горах, о бескрайних морях и быстрых реках... Но Марья не внимала видениям, которые её окружали, — она будто тень медленно ступала за Дроздом по лесу, и бубенцы на её тояге беззвучно качались.

Когда лес расступился, взору Марьи предстало небольшое озерцо, над водой которого водили хоровод русалки, а у берега плакали ивы. В тёмном часу навьи светились серебром, и их танец озарял непроглядный бор, что стеной окружал перелесье.

Марья крепче обхватила тояг и вышла к девам. Её дух обдало холодом, когда русалки остановили хоровод и обратили на Марью взоры своих мёртвых очей.

— Ты! — прошелестело над озером, и серебряный свет померк. — Как ты посмела к нам явиться?! — русалки подлетели к берегу.

За Девятое небо

Отвратительные создания из тьмы парили над кромкой воды — клонящиеся к закату луны тускло освещали мёртвых дев. Ледяной шёпот оплетал тёмным туманом, и холод сковал душу идущей к озеру Марья.

24

— Так и посмела, сестрицы, — постаралась уверенно ответить русалка и, сжав тояг, остановилась. Дрозд опустился на наверхие посоха.

— Вы слышали? — прошелестела одна из русалок. — Она нас сестрицами называет!

— Да какая она нам сестрица? — отозвалась другая.

— Никакая!

Сильный смех прорезал ночь.

— Каждая из вас сможет обратиться к Свету, если пожелает, — продолжила Марья. — Я пришла сказать об этом и попросить о помощи, — русалка положила на сердце руку.

— А где ты столько молодцев найдёшь, чтобы нас освободить? — просипела одна из дев, смех разразился с новой силой и превратился в вой.

— Вы и так свободны, просто не знаете об этом, — ответила Марья, когда вой затих.

— Разве?! — Одна из русалок, чёрная дева без глаз и руки, подлетела к Марье ближе, и дочь Леса едва не отпрянула от зловонного дыхания. Навь заметила это и дико рассмея-

лась. — Мёртвые не свободны, Марья, — прошептала навь, успокоившись. — Ты это знаешь. И ты знаешь, что никогда не сможешь стать берегиней, ведь Тьма в твоей душе сильнее Света, иначе бы ты сама в огонь не ступила. Иначе бы Топь тебя не забрала. Иначе бы ты не погубила Светозара.

Правда, сказанная навью, обожгла огнём. Пустые глаза умертвия смотрели со спокойствием, без злобы. Во тьме нави не было ничего — ни мук совести, ни мук любви. Во тьме были вечность и тишина.

— Видишь? — скрипела навь, протягивая Марье руку. — И ответить тебе нечего. Ты так мало в Свету, а уже по Тьме тоскуешь!

Навь продолжала протягивать свою обезображенную, в слизи, руку. Марья хотела, было, подать ладонь в ответ, но воспоминание о Светозаре, о его смерти, ослепило невыносимой болью, и Марья отпрянула от нави. Дрозд пропел, отогнав морок.

— Я готова и дальше терпеть муки Тьмы в Свету, — ответила Марья. — Как раньше терпела муки Света, будучи во Тьме.

— Пустые речи, — разочарованно прохрипела навь и отлетела к остальным русалкам, к воде. — Зачем явилась? — Обернулась и замерла.

— За помощью, — ответила Марья. — Грядёт великая битва с огнём, остановить который смогут только русалки. Если мы сплотимся и потушим огонь Хорохая, то спасём Лес и обратимся к Свету. Мы станем свободными и сможем пройти во Врата.

Русалки наклонили головы набок, внимательно смотря на Марью. Вода, над которой парили тёмные девы, сделалась похожей на чёрное зеркало. Тусклый туман, предвестник рассвета, парил над озером; дремучий лес замер в гнетущей тишине.

— Неужели ты так и не поняла, сестрица, что дороги в Свет нет, — нараспев просипели мёртвые девы, и над озером прокатилось эхо далёкого воя.

Марья вздрогнула и оглянулась: Тьма, застывшая между высокими деревьями, смотрела на неё, овевая холодом. За-

успокойный вой становился громче, окружал тоской и мраком. Мавки. Марья помнила, что они сделали со Светозаром. Страх полоснул русалочье сердце: Марья не была уверена в том, что у неё хватит сил противостоять Тьме. Дрозд пропел, стараясь успокоить дочь Леса.

Русалки, всё ещё парившие над озером, чуя страх Марьи, сипло рассмеялись, и Марья вздрогнула от их ледяного хохота, чем ещё больше раздражила навий.

— А говорила, будешь терпеть муки Тьмы! — пронеслось над озером.

— Буду! — разозлилась на себя Марья.

— Неужели тёмный страх так быстро пленил тебя? — всё не унимались русалки, хохоча.

Марья обернулась к лесу: ожившая Тьма, проскользнув клубами между сизых стволов деревьев, мчалась на неё стая волков. Обратни.

Дрозд, взлетев с тояга Марьи, запел, и его Песнь серебристым кружевом сплелась с тёмной паутиной заупокойного воя мавок.

Когда обращённые волки по велению русалок накинулись на Марью, та не стала сопротивляться. Марья закрыла глаза и тихо пела вместе с Дроздом, принимая всю боль когтей волколаков, как это делал Светозар. Русалка знала, что в ней нет столько Света, сколько было в душе сварогина, но благодаря Светозару знала она и то, что отвечать Тьмой на Тьму — никогда её не победить. Победить самую тёмную ворожбу можно только светом. Даже самым тусклым огоньком. Даже искрой тухнувшего угля.

Мавки повалили на землю Марью, выбили из её рук тояг, разорвали её шёлковый сарафан, но причинить вреда поющей деве они не могли — та, что умерла, вновь умереть не может.

Дрозд кружил над стаей волков, пытающихся разорвать русалку, и серебряное кружево птичьей Песни оплетало чёрных волколаков, сковывая их. И чем больше мавки пытались достать Марью, тем сильнее пленили их путы серебряной Песни.

Сквозь алое марево боли и закрытые веки Марья видела, как отступали мавки перед силой Песни. Но та Песнь была

не её — Марья лишь повторяла за Дроздом слова, что по своей природе не были словами, слова той Песни, что когда-то спел птице Светозар.

В русалке никогда не было столько силы... Эта непрошенная мысль прервала Песнь, и Марья увидела себя в огне. Огонь Хорохая, ревя неистовым пламенем, ослеплял и сводил с ума — он мог погубить даже то, что уже мертво. Марья видела свою смерть — она погибнет так же, как погибла на празднике Весны. Только её дух не сможет отправиться в Ирий, не сможет отправиться и к Морю — огонь Хорохая забирает даже посмертное бытие... И она никогда не спасёт Светозара.

Ужас накрыл ледяной волной, придавил лапами освободившихся от пут мавок: кружево серебряной Песни таяло, выпуская Тьму на волю.

Сквозь мрак и всполохи грядущего огня, сквозь вой разъярённых мавок и едва различимую серебряную Песнь Дрозда Марья услышала сиплый смех русалок. В том смехе не было ничего, кроме мрака. Мрака, что, опутывая душу леденящими словами, забирал к себе...

27

ГЛАВА 2

Тьма сгущается

Мухома Заяц, стоя в окружении свиты на главном причале Зайцевского порта, хмуро смотрел на прибывающие корабли: их было слишком много — всё войско Пяти Стольных Островов. Заяц знал, что скоро грядёт битва при Ровновольске, но знал он и то, что дружины не успеют к началу сражения прибыть на Юг.

Первыми причалили суда с обводами для ледового плаванья — они прокладывали путь по начинавшей замерзать воде.

Смеркалось; золотой огонь факелов рассеивал сизые сумерки, отражаясь от падающего снега, освещал прибываю-

щие корабли, играл на шлемах сходявших на землю витязей, золотил белые одеяния волхвов. Вечер полнился голосами людей и звоном доспехов. Торговцы и покупатели с большого базара, что теперь простирался от Зайцевского порта до почти отстроенной городской стены, толпились в порту, любопытствуя.

С тяжёлым сердцем князь Вольньского княжества смотрел, как в окружении свиты сходит с корабля великий военачальник Ворон.

В доспехах и плаще сухой и поджарый Ворон выглядел куда мощнее, чем обычно. Подойдя к князю, Ворон, положив на сердце руку, поклонился. Заяц ответил тем же.

— Да хранят нашу землю Боги, — прохрипел Ворон. Взгляд его был холоден и суров. — С рассветом мы отправимся в путь, по Великой Дороге дойдём до Ровновольска.

— Это великое испытание мы преодолеем только сообща, — согласился Заяц. — Мой дом — ваш дом. Людей у нас немного — только торговцы да рыбаки, оружие держать не умеем, но огнём обогреем да хлебом с солью встретим.

28

Ворон, зная, насколько Мухома Заяц близок к правящим дворам не только Солнцеграда, но и других княжеств, не стал требовать у него воинов. Десяток-другой рекрутов, который сможет набрать Вольнька, не стоят ссоры с таким человеком.

— Да поможет нам отец Сварог, — согласился Ворон и последовал за Зайцем и его свитой в город.

Заяц разместил Ворона и его приближённых в гостевых теремах княжеского двора; войско же расположилось как внутри крепостной стены, окружавшей Вольньку, так и вне её.

— Мы выступаем завтра на рассвете, — говорил Ворон. — Возгарь начнёт битву, а мы будем той силой, которая сокрушит оставшихся колосаев и отправит их туда, откуда пришли. Армия с Востока поможет нам в этом.

Ворон с другими высшими чинами войска, Мухома Заяц с Фросьей и дочкой Ясной ужинали в трапезной княжеского терема — просторном зале с расписными стенами и большим, накрытым белой скатертью столом. За окнами уже сгустилась синяя ночь; на столе горели свечи, наполняя бытие светом и теплом.

Мухома хмуро посмотрел на Ворона: предстоящая война внушала князю опасения. И то был не просто страх — неясное гнетущее чувство неизбежного возникало всякий раз, когда Мухома думал о будущем.

— Боги с нами — я уверен, Они не позволят колосаям захватить наши земли, — сказал Мухома Заяц.

— Конечно, не позволят, — подтвердила Фросья.

— Боги защищают нас! — тоненьким голоском добавила Ясна, и за столом тепло рассмеялись.

— Конечно, защищают, — кивнул хмурый Ворон. — Мы одержим победу. — Великий военачальник поднял кубок, но в душе не верил своим словам.

Низкое небо укрыло Солнцеград снегом, и статуя Перуна-защитника таяла в густых облаках. Снег застирал и порт Идру, что окружал монументальную столицу, ложился на тёмные покосившиеся домишки, робко жавшиеся друг к другу от холода на плавучих деревянных настилах; на стоящие со спущенными парусами сонные корабли, на великие мосты, соединяющие Солнцеград с другими стольными островами.

Холодный ветер пробирал до костей.

Веслав, стоя на носу «Ледогора», плотнее запахнул соборную шубу. Его не встречали: судов для ледового плавания в водах не было, несмотря на то что дозорные из Почётной Стражи Солнцеграда точно заметили возвратившийся корабль царя.

Его не ждали.

«Войска для битвы при Ровновольске собраны, — вспоминал царь последнее письмо Кудеяра, — Василиса пропала. Я велел витязям обыскать весь Солнцеград, но царицы нигде нет... Мне кажется, я отправляю птиц к Мору. Если вы не ответите, я прикажу волхвам отпеть о вас Песни и буду иметь полное право провозгласить себя царём. В военное время столица не может жить без правителя».

Хотелось кричать, но слова ледяным комом гнева застряли в горле.

Василиса пропала. Юг полыхал огнём войны. Кудеяра, скорее всего, короновали. Веслав не был в том уверен, но что-то ему подсказывало, что в Солнцеграде не дождались возвращения царя.

Когда ледовый коч пришвартовался у главной пристани столицы, ему навстречу никто не вышел: только темнели плащи воинов Почётной Стражи, что несли свой бессменный караул подле врат, да соколы-Рароги гордо взирали на прибывший корабль с высоты обелисков.

Веслав в окружении витязей сошёл на берег.

— Я прикажу стражнику, чтобы он доложил о вас в теремной дворец, — сказал один из дружинников Веславу. — Пусть пришлют...

Но царь не позволил договорить — поднял руку:

— К нам уже направляется дозорный отряд, — кивнул в сторону врат. Сквозь пелену снега можно было разглядеть приближающихся всадников.

— Но... — попытался возразить воин, и Веслав вновь пресёк его.

30

Царь расправил плечи и пошёл навстречу витязям: впереди всех на вороном коне ехал великий военачальник Почётной Стражи Мормагон — могучий, будто гора, воин.

Мормагон остановился недалеко от Веслава: даже сквозь пелену снега царь видел, как хмуро смотрел на него военачальник. И Мормагон даже не поклонился — так, кивнул только. «Да, месть Драгославу удаётся на славу», — с печалью и гневом бессилия думал царь, но тут же отогнал безрадостные мысли.

— Почему не выставили дозорных? — спросил Мормагона Веслав. — Почему опоздали? И где наместник?

— Выставили, — рыкнул военачальник. — Царь Кудеяр ожидает вас. — Мормагон кивнул одному из витязей своего сопровождения, и Веславу подали лошадь.

— Царь? — опешил один из дружинников Веслава, но Веслав жестом остановил сварогина и молча оседлал коня.

— Следуйте за нами, — пробасил Мормагон и направил лошадь в Солнцеград. — Царь ожидает вас в престольной.

Пепельные заснеженные улицы были безмолвны — только отряды витязей несли бессменный караул. Воины смотрели на вернувшегося Веслава — сквозь пелену непогоды царь не видел их глаз, но чувствовал их полный осуждения взгляд — даже то, что он так много сил и казённых средств тратил на армию, забылось в свете последних событий. И думал Веслав, что на месте подданных он бы тоже осуждал такого царя.

Сизый свет зимнего дня, лившийся сквозь мозаичные окна, охлаждал престольный зал: разливался по распалубкам свода, украшенным рунами Сварога, по распустившемуся на потолке Краколисту; тускло освещал капии Богов, что располагались за царским местом, и сливался с лазурным огнём-Сварожичем, зажжённом в огнивицах подле капиев.

На троне восседал Кудеяр. В алом плаще, подбитом горностаевым мехом, и в короне, что, как отметил Веслав, была Кудеяру к лицу. Веслав горько усмехнулся своим мыслям и, расправив плечи, подошёл к царскому престолу.

Кудеяр успел вернуть прежние традиции — трон был один, и царицы Любавы на приёме не было. Подле Кудеяра и окружающих его царских витязей находились Великий Волхв Далемир, военный советник Здебор, царский веденей Станимир, военачальник флота Инагост, веденей Яромир и даже Гоенег с Белозёром, которые с сочувствием, граничащим с ужасом, смотрели на Веслава. Веслав видел, как старенький Белозёр вытер слезу, но даже он не смел перечить Кудеяру и подойти к Веславу. Во взгляде Гоенега, отца Василисы, Веслав заметил холодную злость.

— Быстро же ты, однако, занял трон, — вместо приветствия усмехнулся Веслав, переводя взор на Кудеяра. — Такой честной службой и преданностью ты отплатил мне за то, что я помиловал тебя после Десятины Полоза?

Взгляд Кудеяра оставался ледяным.

— Я тебе оставался верным, — бесстрастно отвечал Кудеяр. — Предал себя ты сам. Как и предал весь род человеческий, объявив Ния союзником и покинув столицу во время войны! — Кудеяр сжал от гнева кулаки. — Я не буду служить предателю. Даже если это будет стоить мне головы.

— Запад освобождён. — Веслав шагнул ближе к трону, но витязи Кудеяра угрожающе положили на мечи руки, и бывший царь, усмехнувшись, остановился.

— Но какой ценой? — нахмурился Кудеяр. — Почти весь флот Сваргореи, оставшийся после отбития основных сил на Юг, затонул! Отправлять столько сил на Запад было неразумно, Веслав, — слова царя звучали в гробовой тишине. — Флот погубил Ний — морской князь, что служит Полозу, как бы ты ни полагал иное. И после того, как этот Ний разрушил Запад и потопил флот, ты объявил его... — Кудеяр продышался, но сдержать себя не смог и гневно прорычал: — Союзником! Ты решил, что слуга Полоза наш союзник! — гневался царь. — Ты отправился к нему, оставив и престол, и жену в такое время!

32

— Хватит! — крикнул в ответ Веслав. Кудеяр умолк, но продолжал гневно взирать на Веслава. Во взгляде царя была сила, и видел Веслав, что придворные искренне поддерживали Кудеяра. Наверное, они все полагали, будто Веслав лишился рассудка, отправившись к врагу. — Ний покинул воды Запада. Острова освобождены.

— Я уже слышал это, Веслав, — разочарованно проговорил Кудеяр. — Ты ждал почести герою? — царь покачал головой. — На Юге идёт война — со дня на день грянет битва. Наши армии возглавляет Возгарь. Казна почти пуста, голод стоит у ворот, а ты сгинул без вести, отправившись к врагу, которого объявил союзником.

— Не так долго меня не было, а ты уже занял трон, — горько ответил Веслав.

— Будь по-твоему, — пожал плечами Кудеяр и, спустившись с престола, указал на трон Веславу: — Царское место — твоё. А меня можешь казнить как предателя, — усмехнулся. — Я даже Возгаря не оповестил о том, что правлю нынче, дабы

не подрывать его боевой дух. Ему сообщит об этом Ворон. Отправляю военачальнику бересту, что ты вернулся.

— Пусть решит народ, кому из нас царствовать, — гневно сказал Веслав, и Кудеяр рассмеялся.

— Я полагал, ты не желаешь публичного позора, — ответил он. — Я же уступаю трон добровольно, разрешаю себя казнить, а ты даже этого не хочешь? — развёл руками Кудеяр. — Что же ты за царь тогда...

Веслав с трудом сдерживался, чтобы не наброситься на Кудеяра с мечом. Но в словах его бывшего наместника было слишком много правды, что не давала Веславу сдвинуться с места: он знал, что люди не выберут его. Знал, что совет веденеев, как и волхвы, был рад воцарению Кудеяра. Даже дружина, которую он так хорошо содержал, повиновалась новому царю, будто Слову Кощея. Веслав знал, что всё будет напрасно. Он проиграл в этой битве Драгославу, который чужими руками отобрал у него всё. Даже любимую, вспоминающая о которой сводили с ума... Что же с ней стало?

— Василису так и не нашли? — спросил Веслав, обедая присутствующих взглядом.

— Я думал, наш разговор ты начнёшь с вопроса о жене, — ответил Кудеяр, и Веслав, не выдержав, выхватил из ножен меч. Стража Кудеяра и витязи Веслава тут же метнулись к Веславу, но царь остановил сварогинов движением руки и, обнажив меч, отбил им выпад Веслава.

— Если хочешь решить вопрос, как в былые времена, давай, — уверенно ответил Кудеяр и, отразив очередную атаку разъярённого Веслава, скинул с плеч царский плащ. — Самый древний и надёжный способ. — Царь сам атаковал Веслава.

Веслав отчаянно сражался, будто на войне, но Кудеяр был ловким и умелым воином и, несмотря на года, уверенно теснил Веслава. Но бывший царь не сдавался: злость и отчаяние, захватившие сердце, не позволяли остановить поединок. Веслав бился за Василису — за то, что оставил её. За то, что не смог уберечь. За свою любовь, которую потерял, как ему казалось, навсегда. Бился за трон, которого лишился, поддавшись страху. За названного отца, за его печальные глаза, полные и радости, и разочарования. Бился за погибшую много

лет назад семью — за отца, мать и сестру, что помогала ему даже после смерти. Бился за то, что не оправдал их надежд. Бился со злостью на себя, за своё малодушие, за страх, что мешали следовать пути. И только когда лезвие меча вспорол атлас платья Кудеяра, Веслав остановился, поражённый содеянным, — друга убить он был не готов. Но этого мгновения Кудеяру было достаточно, чтобы выбить из рук Веслава меч и повалить бывшего царя на пол.

— Ты не готов сражаться за трон, — тяжело дыша, говорил Кудеяр. — Ты не готов убить меня, чтобы забрать то, что принадлежит тебе по праву. Ты полон страха, — Кудеяр приставил к горлу Веслава меч, — но я тоже не могу убить тебя, — через некоторое время признался он. — Я обязан тебе жизнью — ты не казнил меня, как слугу Драгослава. Теперь, полагаю, мы квиты. — Кудеяр убрал меч в ножны и отошёл от Веслава.

Воины из свиты Кудеяра тут же подняли его плащ и подошли к нему, помогая одеться.

34

— Трон твой, — громко проговорил Веслав, поднявшись, и Кудеяр обернулся. Царские дружинники закрепили на плечах Кудеяра плащ и отошли. — И не потому, что я проиграл. Я покидаю столицу.

— Снова? — не удержался Белозёр и шагнул к Веславу. — Но ты же только вернулся...

— И куда ты на этот раз собираешься? — нахмурился Кудеяр. — Ты знаешь ещё одного союзника?

— Я отправлюсь искать Василису, — уверенно ответил Веслав, поднял меч и убрал его в ножны.

— Моя дочь ушла в капище к Богам и не вернулась, — печально сказал Гоенег, холодно смотря на Веслава. — Там озеро... Оно ещё не было сковано льдом... — Гоенег смахнул наворачнувшиеся слёзы.

Слова Гоенега обдали ледяным ужасом... Они все решили, что Василиса добровольно наложила на себя руки... Нет. Этого не может быть.

— Вы полагаете, что она умерла?! — гневно спросил Веслав.

Гоенег отвернулся.

— Сын... — едва слышно прошептал Белозёр.

— Василиса жива, и я знаю, где она! — прокричал Веслав, с трудом справляясь с волной накатившего ужаса. Гоенег посмотрел на Веслава тёмным взором и покинул престольный зал, поклонившись Кудеяру.

— Я знаю, где она, — повторил Веслав и, переведя взор на Кудеяра, уже спокойнее сказал: — Я заберу только коч «Ледогор» и тех витязей, с которыми плавал к Нию. — Веслав кивнул на свою свиту, стоявшую поодаль. — Правь, Кудеяр, Сваргореей и дальше, ведь ты всегда об этом мечтал, а я никогда не хотел царствовать.

— И куда ты отправишься? — хмуро спросил Кудеяр.

— Тебя это не касается, — ответил Веслав и, помолчав, сказал: — У меня к тебе есть разговор. — Веслав выдержал паузу, внимательно смотря Кудеяру в глаза. — Только к тебе.

Кудеяр кивнул и велел всем покинуть тронный зал. Веслав обратил внимание, что никто, даже Великий Волхв не проронил и слова. Все покорно принимали волю Кудеяра, не смели перебивать его или перечить ему — Кудеяр, несмотря на то что происходил из простого рода, был истинным царём, а не молодцем в короне.

— Ну, что же ты желаешь мне поведать? — спросил Веслава Кудеяр, когда они остались одни.

— Ты теперь царь, и оно — твоё. — Веслав вынул из кармана перстень, данный ему Нием, и передал его Кудеяру. Царь с удивлением принял кольцо. — Когда орда подойдёт к столице, прочти написанное на внутренней стороне перстня, и тебе явится помощь.

— Только не говори мне, что у тебя хватило ума заключить с Нием союз, — скривился Кудеяр, глядя на кольцо.

— Да, — кивнул Веслав, и Кудеяр полным ледяного гнева взором посмотрел на него. — Но ту клятву давал царь, а не рыбак из глухой деревни, коим я вновь стал. Дать клятву Нию было единственной возможностью освободить Запад, — продолжал Веслав, и Кудеяр устало вздохнул. — Теперь корона — твоя. И клятва — тоже.

— Что ты ему обещал? — со злостью процедил Кудеяр, испепеляя Веслава взглядом.

— Что люди придут на помощь Нию и морскому народу, когда придёт время, — ответил Веслав. — И он пообещал то же самое.

Кудеяр некоторое время молча смотрел на Веслава, но не выдержал и захохотал.

— И ты ему поверил? Поверил тому, кто погубил стольких людей и уничтожил Велейные острова?

— Морской Князь говорил правду. — Веслав подавлял гнев всеми силами. — И он действительно нам не враг.

Кудеяр, смотря на Веслава, качал головой:

— Ты и правда нездоров, — тихо сказал он. — Происходящее лишило тебя разума... Поверить слуге Полоза!

— Ний не слуга Полоза! — разолился Веслав.

Кудеяр устало покачал головой и, отвернувшись, медленно пошёл к трону.

— Знаешь, мне думается, на тебя наслали ворожбу, — проговорил царь, не поворачиваясь. Он медленно поднялся по ступеням и сел на престол. — Плыви куда хочешь. — Кудеяр посмотрел на перстень Ния. — И его забирай с собой вместе с титулом князя, Веслав. — Царь кинул Веславу перстень, и кольцо со звоном упало на пол.

— Я его не заберу, — покачал головой Веслав. — Оно принадлежит царю Сваргореи, а не князю. — Веслав поклонился Кудеяру и покинул престольный зал, оставив перстень на полу.

36

Подле дверей престольного зала Веслава ждали Белозёр и Яромир.

— Откуда тебе известно, где Василиса? — Белозёр шагнул навстречу вышедшему Веславу.

Но бывший царь молча пошёл по теремному дворцу к своим покоям. Белозёр и Яромир последовали за князем и его витязями.

— Не молчи, Веслав! — Белозёр коснулся руки названного сына. — Я отправляюсь с тобой!

Веслав остановился и внимательно посмотрел на рыбака. Золотой огонь свечей, закреплённых на багряных стенах палат, освещал морщинистое старческое лицо и глаза, смотревшие с отцовской любовью.

— Ты мне всё равно не поверишь, — горько ответил Веслав, глядя на Белозёра. — И за Василисой я отправлюсь один.

— Я переживаю за тебя, сын. Ты только вернулся, а уже отправляешься искать мёртвую...

— Василиса жива! — гневно прикрикнул Веслав, и Белозёр вздрогнул. — Что бы ты ни думал, отец, я без Василисы не вернусь.

— Сын... — ахнул Белозёр.

— Да, отец. — Веслав хмуро смотрел на старенького Белозёра. — Без неё мне здесь нечего делать. И смысла жить без неё я не вижу.

— Веслав, ты... — начал, было, Яромир, но Веслав поднял руку, и веденей умолк.

— Я совершил слишком много ошибок, — ответил Веслав другу. — Я был никчёмным царём — я это знаю. Я понимал, что выделяемые на дружину средства оседают в карманах высших чинов, но поделаться ничего не мог. Я знал, что Запад был западней, но у меня не хватило смелости не отправлять туда войска. Я поверил Нию. Но самой главной моей ошибкой было то, что я потерял Василису. Если бы я взял её с собой, если бы остался с ней — она бы не пропала... — Веслав тяжело вздохнул и обвёл родных взглядом. — И я найду её, чего бы мне это ни стоило, — сказал он твёрдо. — А царём пусть будет Кудеяр: на приёме стояла гробовая тишина, говорил только он. Даже Великий Волхв не проронил и слова. Кудеяр — ваш истинный правитель. Слушайте его, а обо мне не беспокойтесь.

— Сын... — Белозёр не выдержал, подошёл к нему и обнял. Веслав положил руки на сухие старческие плечи. — Я очень боялся, что больше не увижу тебя, — прошептал старик, отстранившись. — Очень...

— Мы переживали все, — пробасил Яромир. — Кудеяра короновали потому...

Но Веслав перебил веденей:

— Я не осуждаю вас за коронацию нового царя. Но я рад тому, что вы не забыли обо мне, — ответил бывший царь честно. — Когда я вернусь с Василисой, мы отправимся жить в Вольньку.

— Ты так и не скажешь мне, куда поплывёшь? — не оставляя попыток Белозёр.

— Я не могу, — покачал головой Веслав, думая о том, что, если он скажет, что отправляется в Мёртвый Град к Колодцу, который Василиса видела во снах, его точно сочтут сумасшедшим. — Но я найду её, отец. — Веслав внимательно смотрел в старческие глаза. — Клянусь перед Богами и своей почившей семьёй.

— Ты слышал, говорят бывший царь вернулся! Представляешь?! Веслав Первый прибыл сегодня на корабле! Его встретил Мормагон, а не новый царь Кудеяр! — Борислав аж раскраснелся. — Интересно, кто теперь нашим царём будет? Как думаешь? Кто останется на троне? Или будет междоусобица?

Ратибор вздохнул и устало посмотрел на Борислава, что сидел за столом рядом. Борислав от возбуждения даже забыл о еде.

— Я думаю, будет царствовать Кудеяр, — ответил Иван с набитым ртом. — Что это за царь такой, что в военное время оставляет столицу, направляясь к врагу, которого считает союзником?

В общей трапезной казармы ужинало много народу: и новобранцы, и бывалые воины. Тёплый свет свечей играл на деревянных стенах, на тёмных одеждах сварогинов, отражался от столовых приборов. За окнами протяжно выла вьюга.

— Кто тебе сказал, что Веслав Первый считает Ния союзником? — нахмурился Ратибор, глядя на расположившегося напротив Ивана.

Иван пожал плечами.

— Все об этом говорят, — спокойно ответил он, продолжая жевать. — И что жена его, тёмная волхва, не просто так во время отсутствия царя пропала — никак, наложив на себя руки, за тёмными силами отправилась. Все ж знают, что она в святом озере Царского Великобожия утопилась — пошла к Богам и не вернулась.

— Неужели ты веришь глупой молве? — рассердился Ратибор. Юношу печалило то, что говорили о Веславе Первом и царице Василисе. Несмотря на то что Ратибор видел царя пару раз в жизни, Веслав показался ему хорошим человеком, как и жена его, Василиса. И всё, что нынче судачили о царской чете в Солнцеграде, Ратибор хотел видеть нелепой клеветой... Хотя, порой и ему казалось, что народная молва правдива — он помнил, как на великом царском собрании выглядела Василиса и что говорила.

— А ты разве не веришь? — переспросил Иван.

— Думаю, не всё так просто, — ответил Ратибор. — Война на Юге, Ний — на Западе, царица неизвестным образом пропала, в Солнцеграде короновали нового царя...

— Да утопилась царица бывшая, а не пропала! Как можно пропасть в Великобожии теремного дворца? — удивился Борислав. — И вообще, мне кажется, ты слишком много думаешь, — поморщился юноша. — Вот неужели волхвы Великого Свагобора короновали бы Кудеяра без благословления Богов? Неужели бы Совет Веденеев позволил подобное, если бы царский двор не был на то согласен? Даже царская дружина за Кудеяром пошла! Ты слышал, чтобы кто-то был против коронации Кудеяра? — Борислав округлил глаза. — Я — нет. И знаешь что? — совсем уже шёпотом спросил Борис Ратибора, который устало смотрел в свою тарелку.

— Что? — переспросил Ратибор, и Борислав оживился.

— Мне кажется, что... ну... все полагают, будто Кудеяр приведёт Сваргорею к победе, — прошептал он Ратибору на ухо, и Ратибор хмуро посмотрел на товарища. — Так все говорят — на плечах Кудеяра великое дело. Вот почему трон — его. Кудеяр изгонит колосаев к Морю.

— Если у него это получится — хорошо, — скупо ответил Ратибор и вернулся к ужину.

Борислав же некоторое время молча ковырял еду в тарелке, но не выдержал и вновь обратился к Ратибору:

— Может, ты под каким-нибудь предлогом сходишь в теремной дворец и всё узнаешь? — спросил он, и Иван тихо прыснул. — А потом нам расскажешь, что да как...

— И как ты себе это представляешь? — нахмурился Ратибор. — Приду в царский терем, найду нынешнего царя или прошлого и спрошу, что они там решили?

Борис, улыбнувшись, кивнул, а Иван захохотал.

— Мне нынешней ночью дозор нести. — Ратибор положил еду в рот. — Надо быстрее доесть и идти на службу.

— Мне тоже, ты разве забыл? — удивился Борислав. — Мы сегодня вместе! И Иван с нами! Будем в одном отряде.

Ратибор пробормотал что-то невнятное, но Борис не успел его переспросить: двери трапезной распахнулись, и вошли военачальники Почётной Стражи Солнцеграда. Мормагона среди них не было.

— Витязи Солнцеграда! — громко гаркнул один из воинов, и в трапезной воцарилась тишина. — Великие вести! Веслав Первый вернулся — Запад освобождён! Ний покинул острова! — громко говорил военачальник — седой, но крепкий сварогин с густой бородой, и над обеденными столами прокатился взволнованный шёпот.

— А кто ж теперь царствовать-то будет? — слишком громко поинтересовался Борислав, и все обернулись на него. Борис сконфуженно прикрыл рукой рот.

— Ты можешь хоть иногда молчать? — едва слышно спросил товарища Иван.

Борислав отрицательно покачал головой.

— Царствовать будет благословённый в Великом Свагоборе царь Кудеяр, — громко ответил военачальник. — Князь Веслав вновь покидает стольный град, — ответил витязь. — Стражам, несущим ночной дозор, — завершить трапезу и приступить к обязанностям! — рыкнул военачальник, и воины покинули трапезную.

— Ну вот, тебе и идти куда не надо, — усмехнулся Борислав, поднимаясь вместе с Ратибором и Иваном. Ратибор ему не ответил: юный витязь уже предвкушал дозор, проведённый в компании Борислава.

В расписной печи терема веденя гудел огонь, трещали в подсвечниках свечи: от деревянной мебели ползли тёмные густые тени; роспись стен покоев тускло бликовала. Яра встала с кресла, подошла к окнам и задёрнула занавеси. Плотнее запахла шерстяную шаль и обернулась на Яромира, который, сидя в кресле, продолжал хмуро смотреть на свечу, стоявшую перед ним на столе.

— Тьма сгущается, — пробасил он. — Я не узнаю никого из нас. Ни себя, ни Кудеяра, ни Веслава...

— Не надо винить себя за одобрение коронации Кудеяра, — ответила Яра, подошла к мужу и села в кресло напротив него. Яромир хмуро посмотрел на жену. — Как бы мы ни любили Веслава, после гибели Василисы никто не предполагал, что он вернётся... Ведь с Запада не пришло ни одной вести.

— Веслав говорил, что почтовых птиц настигла ворожба Бессмертного. — Яромир немного помолчал и, отвернувшись, тихо сказал: — Она нас всех настигла... Веслав завтра на рассвете отплывает на ледовом коче за Василисой. Он не верит, что она умерла. Веслав никому не сказал, куда направляется: ни Гоенегу, ни Белозёру, ни мне. То, что сейчас зима, — его не остановило, — вздохнул. — Пряжа Макоши совсем спуталась.

Яра некоторое время молчала. Происходящее беспокоило её не меньше, чем мужа, а может, даже, больше: страх за Любомира холодил материнскую душу.

— Давай уедем из столицы, — тихо прошептала Яра и положила на плечо супруга руку. Яромир внимательно посмотрел на жену. — Вернёмся в Вольньку, Заяц будет рад.

— Не думаю, что там безопаснее — Вольнька на полпути к Югу.

— Может, кочевники не так страшны, как то, что грядёт с Севера?

— Кудеяр уверен, что угрозы с Севера не будет — Поллоз отомстил Веславу, неведомым образом забрав Василису

и уничтожив Запад. Теперь же Веслав сам отправляется во владения Полоза — выходит в море. Царь полагает, что Веслав не вернётся — Полоз погубит его. В то, что Ний служит Кощею, Кудеяр не верит.

— Да, царь не верит в то, что Драгослав — жив. Либо просто не хочет это признавать, — ответила Яра. — Но мы-то с тобой знаем, что, скорее всего, это так. И пока не случилось что-то ещё более ужасное, чем гибель Запада и исчезновение Василисы, я бы покинула стольный город.

— Может, ты права, — кивнул Яромир и вновь обратил свой взор на пламя. — Тьма сгущается, родная. Тьма сгущается...

В Зале Богов Великого Свагобора Солнцеграда было холодно. Синяя тьма за высокими мозаичными окнами казалась живой — в морозной зимней ночи бушевала вьюга. Языки золотого пламени огнивиц, висевших на багряных колоннах, плясали, и дрожали глубокие тени, словно духи, заполнившие пространство зала; тускло светилась роспись багряных стен, терявшихся в темноте. Под потолком пляли огнивицы с огнём-Сварожичем, и в их сиянии мерцали звёзды распустившегося на своде мирового древа Краколиста. Грозные капи Богов таяли в дыме курильниц, зажжённых подле них.

Веслав устало опустился на колени перед лестницей, ведущей к постаменту с капиями Богов, и закрыл глаза. Происходящее походило на дурной сон, от которого всё не удавалось проснуться.

Больше всего Веслава мучило не то, что он лишился трона и Кудеяр даровал ему титул князя, а то, что он потерял Василису. Веслав не смог уберечь любимую. Он оставил её одну. От злости и ненависти к себе хотелось кричать.

Веслав отправится в Мёртвый Град, даже если это странствие погубит его, — он отдаст жизнь, но спасёт жену. Бóльшего ему и не нужно.

— Кому Боги многое дают, с того они многое и спрашивают, — услышал Веслав тихий старческий голос и обернулся: позади стоял Великий Волхв Далемир. В белых одеждах, похожий на навь, явившуюся из холодной тьмы зала.

Веслав поднялся и повернулся к старцу.

— Тьма опустилась на Сваргорею, — продолжал Далемир, плотнее запахивая свой белый шерстяной плащ. — И никому не по силам разогнать её.

— Василиса приходила к вам, перед тем как пропала? — спросил волхва Веслав.

Великий Волхв отрицательно покачал седой головой и подошёл к Веславу ближе.

— Последнее время царица не покидала своих покоев, — ответил Далемир. — Почти ни с кем не общалась. Хандра её губила — она очень тосковала. И говорила о том, что её зовёт... Бессмертный.

Слова волхва больно ранили сердце, и Веслав сжал кулаки.

— Может, она приходила к волхвам Сестринского Свагобора?

— Нет.

— Я спрашивал о Василисе и у придворных, и у Яромира с Ярой, — она не говорила с ними, — вздохнул Веслав.

— То, что царица сказала на последнем Великом Царском Соборе, — сгубило её, — печально ответил старец. — Народная молва беспощадна: речи людей порой куда опаснее морока. И когда пропали вы... она добровольно ушла к...

— Нет, — перебил волхва Веслав. — Она не могла наложить на себя руки. Она жива. Я знаю это.

Далемир с сочувствием смотрел на Веслава.

— Правду признать тяжелее всего, — старец положил на плечо Веслава руку. — Но, подумай сам, как твоя жена могла просто исчезнуть? Отправиться в капище к Богам и не вернуться?

Веслав покачал головой и убрал с плеча руку волхва.

— Она не губила себя. После того как её спас матушкин оберег, после всего, что произошло... она никогда не поступила бы так. Даже из-за меня.

— Слово — самое сильное оружие, Веслав. Оно ранит дух куда сильнее, чем меч — тело. Василиса просто не выдержала своих ран.

— Замолчите, — грубо ответил Веслав и поднял руку. Далемир умолк и всё так же, с сочувствием, смотрел на князя.

— То, что вы говорили о зачарованных птицах, павших на палубу вашего корабля, — правда? — через некоторое время спросил волхв.

— Неужели вы полагали, будто я соврал, лишь бы спасти себя? — горько усмехнулся Веслав. — Неужели и вас, Великий Волхв, постигла Тьма? — Веслав покачал головой и, вновь подняв руку, не позволил Далемиру ответить. — На рассвете я покину столицу и больше не вернусь, — сказал князь, хмуро глядя на старца. — И мне не нужно на то ваше благословение, ведь вы уже отпели по мне Песни. — Веслав поклонился Далемиру и покинул Великий Зал Богов.

44

Сизым туманным утром от пристани Солнцеграда отчалил «Ледогор»: корабль, который никто не провожал, одиноко плыл на Север меж белых льдин чёрного моря.

ГЛАВА 3

Чёрный Ворон

— Твой отец просит не беспокоиться ни о нём, ни о Веле, — устало вздохнула Добромира, смотря на Забаву, что сидела напротив за столом. За окнами наливался синевой вечер, и внук Стрибога пел печальную песнь, неся на своих крыльях и снег, и дождь. — Но как же так можно? Как можно не беспокоиться о том, что их забрали в дружину... Да ещё и война началась на Юге... Упаси Сварог, дабы до нас ненастье не дошло.

Тихо горели свечи: золотой свет наполнял избу теплом, теряясь в глубоких тенях, протянувшихся от гудящей печи и сушащихся под потолком трав, от скринь и лавок подле окон, от полок с утварью над ними, от веретена в девичьем углу, от кадок и обеденного стола, на котором дымился ужин.

— Если бы не моя сестрица, этого бы не случилось, — не глядя на мать, ответила Забава.

— Опять ты за своё, — разочарованно покачала головой Добромира. — А если бы ты в Свагобор отправилась, думаешь, отец бы за тобой не поехал?

Забава подняла хмурый взор на мать.

— Я бы не отправилась ведьмою становиться, — поморщилась она и вновь принялась за ужин.

— Да когда же ты свой гнев позабудешь? — вздохнула Добромира. — Сколько ж можно обиду в сердце носить?

— Пока моя сестрица не сгинет где-нибудь, не будет мне покоя, — буркнула Забава.

— Да как ты смеешь! — ахнула Добромира. — Будто Мор тебя попутал!

— Мор меня попутал?! — гневно переспросила Забава, сухо глядя на мать. — Меня, а не сестру, да?!

— Забава...

— Что, Забава? — Забава бросила ложку. — Меня Мор попутал, а ведьму спасти надо из Свагобора, где ей самое место?! Тьфу! — Девушка вскочила из-за стола и, не глядя на опешившую мать, покинула избу, хлопнув дверью, ведущей в сени.

Добромира, обхватив руками голову, тихо заплакала.

Старец Никодим пришёл по приглашению Матери Веры в Сестринский Свагобор Половца — Великая Волхва ожидала его в своих приёмных покоях жилого терема — светлой палате с высокими окнами, подвижными лавками подле них

и письменным столом, находившимся подле капия Свагоры. У глухой стены стояли шкафы с книгами.

Никодим поклонился старице, сидевшей на одной из лавок. Мать Вера, поднявшись, поклонилась Никодиму в ответ.

— Что-то случилось с Мирославой? — спросил Мать Веру Никодим после сердечного приветствия.

Волхва кивнула.

— Мирослава пропала, — тихо сказала Мать Вера, хмуро глядя на Никодима. Серый свет, лившийся из окна, освещал мягкий лик волхвы, теряясь в старческих морщинах.

— Как пропала? — переспросил Никодим. Этого он опасался больше всего.

— Никто не знает как, — ответила волхва. — Мирославу никто не видел. Нынче впервые не пришла на утреннюю молитву — за ней отправили послушниц, а её келья оказалась пуста. Я велела опросить всех — её никто не видел, даже Умила.

Никодим устало вздохнул: волхв знал, куда направилась юная ворожея, она поведала ему о видении Макоши. Но откуда у юной волхвы столько сил — переверожить весь Свагобор и незаметно уйти? Ей явно помогали. И явно не силы Света... ох, не тот выбор совершила юная ворожея, не тот...

— Никодим? — переспросила его Великая Волхва Пловца.

Старец внимательно посмотрел на Мать Веру.

— Мирослава решила следовать видению, что ниспослала ей Макошь, — ответил он. — Но, видимо, решила идти за Тьмой, обманув нас.

— Я тоже об этом подумала, — печально согласилась волхва. — Но я пока об этом никому не говорила, решила позвать вас, дабы спросить совета. — Мать Вера некоторое время помолчала, глядя на Никодима. — Что делать?

— А вы сами что полагаете?

Великая Волхва пожала плечами и отошла от старца. Медленно прошлась по своим хоромам и, остановившись, вновь повернулась к Никодиму:

— Волховское чутьё мне подсказывает, что Мирослава уже совершила выбор и этому не помешать, — ответила она. — Макошь начала пряхть Нить её Судьбы.

— И теперь только от Мирославы зависит, какой будет эта пряжа, — печально закончил Никодим. — Как бы мы ни пытались её уберечь, пришло время её одинокого странствия, от которого, возможно, будет зависеть судьба всего Света.

Мирослава, запахнув плотнее свиту, с палубы смотрела на приближающийся город: стояла середина рязена¹, но уже падал первый снег, укрывая Озёрный. Сквозь низкие облака пробивалось холодное солнце, и кружащиеся снежинки сверкали в его лучах. Порт Озёрного был, как всегда, оживлён, и даже с воды были слышны гвалт и шум.

Мирослава прибыла в город на купеческой ладье — нашептала пару слов купцу и его поморам, и те взяли Мирославу на корабль как странствующую волхву. Но как только Мирослава ступила на пристань и затерялась в толпе, купец и его люди забыли о ней, будто её и не было.

Толпа вокруг гудела; голоса сливались в неясную песнь, телеги грохотали, рабочие разгружали товары; где-то вдалеке трубили ведомые погонщиками ингры. Мирослава остановилась: от тяжёлых запахов кружилась голова. Движения сварогинов, которые не обращали на неё внимания, юной ворожее казались слишком медленными и грузными. Холодный снег сверкал, и в его сиянии слышалась Песнь, что серебряными узорами оплетала мир. Песнь искрилась, переливалась в холодном осеннем воздухе. «Кто направляется в село Червич?» — спросила Мирослава Песнь и оглянулась. Серебряное кружево вспыхнуло ярче и указало Мирославе на гружёную телегу, прикреплённую к запряжённой лошаадьми повозке, что стояла неподалёку. Купец — тучный человек в красном кафтане и с закрученными усами — ждал рядом с телегой, наблюдая за тем, как слуги грузят его товар.

¹ Рязен — октябрь.

Мирослава кивнула Песне и пошла к купцу. Поклонилась ему вместе со Словом, которого сварогин не услышал, ибо шёпот Мирославы был тише дуновения воздуха, но сильнее лютого ветра — сама Песнь шептала юной волхве Слова, которые она повторяла.

— Позвольте сопровождать вас с благословения Свагоры, — кланяясь, говорила Мирослава. — Мне бы только до села Червич добраться, далее я покину вас.

Купец перевёл взгляд на кланяющуюся ему волхву: вместо юной девы он видел сгорбленную старицу с походным мешком за спиной и в бедняцкой свите, накинутой поверх засаленного траура волхвы. Её перехваченные чёрной бечевой волосы были седы, скрюченные, с синими венами руки дрожали, а некогда ясные глаза затмила пелена.

— Конечно, матушка, — положил руку на сердце сварогин. — Ваше сопровождение — благословение Богини-Матери. Да будет наш путь спокоен в нынешнее смутное время.

Мирослава, не поднимая глаз, поклонилась купцу ещё раз, и тот велел приготовить старице место в повозке.

48

Когда товары были погружены, слуги, которые тоже видели Мирославу старухой, помогли ей сесть в повозку, как и своему господину — купцу Ладиславу; сами же разместились в телеге с товарами; один из сварогинов занял место возчика и подстегнул тройку вороных лошадей.

Телега выкатила из порта, проехала мимо рынка и загромыхала по широкой улице Озёрного. Мирослава, положив на колени свой узелок с пожитками, смотрела на город, отвернувшись от Ладислава: несмотря на то что нужным Словам её обучила Песнь, волхвование отбирало силы. Быть невидимой — тяжело; стать иной благодаря Слову — ещё труднее, а удерживать Слово вокруг себя, не забывая о своём новом обличье, — высшее мастерство, которому не учат в Свагборах. О нём Мирославе тоже поведала Песнь, являвшаяся Вороном во снах.

Ворона Мирослава увидела, когда купеческая ладья отчалила от Половца — чёрная птица, севшая на борт корабля, спела ей Слово. Мирослава повторила его, и поморы забыли

о послушнице; Мирославе же показалось, будто на сердце лёг камень — холодный и тяжёлый. Следующее кричащее Слово птицы открыло ей то, как обрести чужой лик...

— Скоро холода, матушка, — обратился к Мирославе Ладислав, и вохва невольно вздрогнула. — Вы странствуете даже зимой?

Мирослава, не поворачиваясь к купцу, кивнула. Она чувствовала, что потратила на странствие много сил, но продолжала едва слышно шептать, и Ладислав видел согбенную старицу.

— Как же вы не мёрзните? — удивился Ладислав.

— Дух у меня закалён, — тихо ответила Мирослава не своим голосом.

Ладислав кивнул.

— Эх, дух закалить многим бы не помешало. — Купец поправил кафтан, расходившийся на полном животе. — Молитесь, матушка? — спросил вновь: видимо, молчание ему было чуждо.

Мирослава кивнула, продолжая выглядывать за крышу повозки: снег уже прекратился, но и солнце скрылось за облаками, и городские дома казались серыми. Листья деревьев, что росли в палисадниках, почти облетели; подул холодный осенний ветер. Помимо горожан, на улицах было много витязей в доспехах — будто бы война уже пришла в Озёрный.

— Да, молитесь за нас, — низко проговорил Ладислав, пригладив усы. — Боюсь, только молитвы нам и помогут.

Ладислав ещё много говорил о своём купеческом деле и о семье, но Мирослава не слушала его.

Телега остановилась подле городской стены у ворот, где её досматривали княжеские дружинники. Один из них — долговязый витязь — подошёл к повозке Ладислава и, не обращая внимания на предупреждения слуг купца, заглянул внутрь. Хмурым взглядом пробежался по сгорбленной старухе и перевёл взор на Ладислава.

— Вы разве не слышали царский указ, согласно которому каждый взрослый муж обязан вступить в ряды дружины? — строго спросил витязь Ладислава.

— Мор бы тебя побрал, — пробурчал Ладислав и, порывшись в своей сумке, извлёк из неё свёрнутую бересту и протянул её витязю: — Дозволение от Изяслава Половодского на купеческое дело в военное время. Кто ж вас будет товарами обеспечивать, если все за меч возьмутся?

Витязь взял бересту, пробежался по ней и вернул купцу.

— Можете ехать, — кивнул и отошёл. — Иван, пропускай их! — крикнул в сторону. — Это купец великого князя!

Телега, качаясь, медленно сдвинулась с места, и Мирослава видела, как отворившие ворота витязи отходят в сторону. Один из воинов показался Мирославе знакомым: сухой человек преклонных лет, из-под остроконечного шлема которого выбивались поседевшие волосы. Взгляд синих глаз был усталым и печальным: сварогины нелегко давалась служба. Витязь на мгновение посмотрел на Мирославу — на старуху — и отвернулся. Телега проехала ворота, и Мирослава вздрогнула: она узнала своего отца! Её бабушка, Иван, нёс службу в Озёрном! Но как он оказался здесь? Неужели отправился за ней? Как так... Мирослава хотела было выско-
50 чить из повозки и побежать к родителю, но крик Ворона напомнил о себе, и ворожея осеклась: она вспомнила о том, кто теперь она, куда и зачем держит путь. Если Мирослава поддастся чувствам и побежит к отцу, она не сможет спасти Сваргорею... Если же она спасёт Сваргорею, то спасёт и отца. И станет Великой Волхвой.

Мирослава, смотря на свой узелок, лежащий на коленях, отчаянно зашептала: главное, чтобы Ладислав не заметил её истинной внешности из-за её испуга. Но купец, осыпая ругательствами княжеских дружинников, убирал бересту обратно и не узрел изменений в Мирославе. Когда же Ладислав посмотрел на свою спутницу, чтобы продолжить беседу, он увидел сторбленную старуху, что, молясь, глядела в пол. «Небось из-за ворожбы благодарной за помощь матушки витязи не поняли, что моя береста ненастоящая. Не буду старицу отвлекать, она и так мне помогла. Да хранят её Боги», — подумал Ладислав, отвернулся от Мирославы и устремил взор на улицу.

В селе Червич Мирослава покинула купца Ладислава — она сердечно поблагодарила его за данные в дорогу припасы, предложение перезимовать в его доме и работать в купеческой лавке, и отправилась дальше.

Мирослава, сгорбившись, как и подобает странствующей старице, медленно брела по селу и, когда дом Ладислава остался позади, а улица повернула, ворожея, наконец, перестала волхвовать и, остановившись в узком переулке, устало облокотилась о забор.

Стоял погожий осенний день: редкое в последнее время солнце золотило улочку, припорошённую мягким снегом. Холодный воздух был уже по-зимнему свеж, и на заборах, как и на ветвях деревьев, мерцал иней. Мирослава плотнее запахнула подбитый мехом плащ, подаренный Ладиславом, и устало закрыла глаза. Сил не осталось совсем, грудь сдавило. Мирославе казалось, будто бы она состарилась по-настоящему, даже дышать было тяжело. Но путь предстоял ещё долгий: надо было добраться до Верыни, откуда ещё три дня пути до Еловой, а там — по лесу неизвестно сколько. Может, надо было подойти к отцу, вызволить его из дружины волхвованием и вместе вернуться в Еловую? Сил хватило бы. Нет, так думать нельзя. Мирославе надо исполнить волю Богини и стать Великой Волхвой... Как дойти по глухой Тайге до терема? Можно же заблудиться и сгинуть... Вдруг терема не существует, вдруг то видение — всего лишь сон? Мирослава вздрогнула от мыслей и открыла глаза: напротив неё на заборе сидел большой Чёрный Ворон, окружённый серебристым сиянием. Птица внимательно смотрела на ворожею, наклонив голову набок.

— Я устала, — прошептала Мирослава Чёрному Ворону. — Я прежде так много не ворожила... Мне надо отдохнуть. Кажется, я и вправду сделалась старицей...

Ворон, скрипуче каркнув, кивнул Мирославе, и волхва ощутила, как тело стало мягким, словно пёрышко, и уста-

лость будто бы прошла. Ворон взлетел с забора и закружил вокруг Мирославы: ворожея видела, как сквозь чёрные крылья птицы льются солнечные лучи, рассыпаясь зайчиками. Их золотой свет сливался с серебряным кружевом Песни и с чёрным — ворожбы Ворона — и окутывал Мирославу мягким спокойствием.

Мирослава протянула руку Ворону — и мир, озарив ослепительным светом, растаял во тьме.

Во тьме не было ничего. Ни мук, ни печали, ни горести. Иногда вспыхивали видения — далёкие и ненастоящие, — но тут же гасли под покровом бархатного мрака. Боли не было тоже.

— Хочешь услышать сказку? — шелестела Тьма.

— Какую сказку? — спросил Светозар, который тоже был Тьмой.

52 — О великом господине Бессмертном, что миром нынче правит от имени Чернобога, и о смерти его? — мягкий голос Тьмы оживал — становился чётче и громче.

— Разве миром правит Бессмертный? — нехотя удивился Светозар.

Тьма усмехнулась, и перед взором явилась прекрасная сияющая дева — русалка сидела рядом, её чёрные глаза на белом лице смотрели с озорством: она была рада заинтересовать того, кто прежде не отвечал ни ей, ни сёстрам.

— Да-а, — протянула утопленница, и Светозар ощутил над собой тяжесть толщи чёрной воды. — Кощей правит миром, будучи в плену. Но скоро, совсем скоро его освободят, и будет он править, восседая на троне Солнцеграда, как наместник Мора, — навь улыбнулась беззубой улыбкой и захотала. Её волосы расплывались по воде, будто водоросли.

От русалочьего смеха вода леденела.

— погоди, ты сказала, что господин — Бессмертный? — Светозару хотелось отвлечься от холода, сковывающего тело.

— Да, — кивнула русалка, довольная тем, что ей внимает Светозар. Дева, игриво поведя плечами, подвинулась к сварогину ближе. — Кощей Бессмертный. Когда был человеком, его звали Драгослав.

Слова русалки не отозвались в душе Светозара — казались далёкими и призрачными. Но сварогин продолжил беседу — чтобы вновь не пасть во тьму. Чтобы хоть с кем-то говорить: раньше он не внимал русалочьим сказкам, но теперь... Если уготовано существовать во мраке вечность, с его созданиями надо подружиться.

— Но ты хотела рассказать о его смерти, — напомнил Светозар русалке. — Как же может быть у Бессмертного смерть?

— Ай да молодец! — хихикнула утопленница и села ещё ближе. — А мои сёстры говорили, что ты молчаливый, им не отвечаешь... — Русалка положила ледяную ладонь на лоб Светозара и убрала водоросли с лица сварогина, прикованного ко дну Чёрного Озера. Посмотрела в его янтарные глаза. — А ты красив, — прошелестела. — Жаль, что мёртв, — немного задумалась, наклонилась ближе. — Хотя я тоже мёртвая. Посмертное бытие не страшно, верно? — наклонила голову набок.

53

— Верно, — согласился Светозар. — Так скажи мне, как же может быть у Бессмертного смерть?

— Смерть есть у каждого из нас, разве ты не знаешь? — удивилась русалка. — Даже у меня и у тебя. Мы с ней уже встретились, но наша смерть не позвала нам ни Птиц — проводников Ирия, ни Жель и Карну — посланниц Мора. Мы остались в Среднем Мире: мы не пошли по Белой Дороге Жизни и не вошли в сияющие Врата. Но Смерть Бессмертного спрятал сам Мор! — восторженно прошипела русалка и вновь погладила Светозара по голове.

— Разве смерть можно спрятать? — удивился Светозар.

— За очень высокую плату — можно, — ещё тише прошипела русалка. — Понимаешь, смерть — это Врата. Как на полянах леса, где пересекаются тропы. Мы с тобой наказаны — нам пройти во Врата не позволили, вот и блуждаем здесь, как духи. Когда же прячут ключ от Врат — саму

Душу, — плата за вечность в среднем мире высока — сама Душа. Если добраться до Смерти Бессмертного — его Душа погибнет навсегда. Она никогда не отправится ни к Морю, ни к Светочу в Ирий. И не пойдёт дальше по великому Пути Жизни. Её вечность прервётся, понимаешь?

Светозар кивнул.

— И где же Смерть Бессмертного? — спросил.

Русалка опустилаcь совсем близко: её дыхание опалало льдом. Дева наклонилась к уху Светозара и прошелестела:

— На конце Иглы, меча Перуна.

— А где Игла?

— Оплетена скорлупой Слов навий так, что её не достать. Хранит Иглу чёрная птица, запертая в сундуке, что плетён корнями Дуба Мора, который стережёт оборотень. Дуб находится в Нижнем Мире, на Той Стороне, за Девятым небом — крайним небом, окружающим Явь. За Девятое небо ведёт Колодец Мёртвого Града, в зев которого можно попасть ещё и из Царствия Морского. — Русалка отстранилась и посмотрела на Светозара. — Да-а, — прошелестела, видя удивление в глазах сварогины. — За Девятое небо можно попасть не только с лютого Севера, но и из-под воды — из владений Полоза и княжества Ния. Ты теперь среди нас, и это знать должен — где пролегают пути мёртвых, ведущие к Морю. Ещё немного времени пройдёт, и все тайны Той Стороны тебе известны станут. Ты будешь знать о каждом камешке Нижнего Мира, даже не видя его. Ведь теперь ты, как всякий служитель Мора, обязан защищать Смерть Наместника Мора как свою собственную.

Светозар кивнул. Русалка немного помолчала и тихо проговорила:

— Топь не жалует, когда к тебе гости приходят. Боится, что оставишь её.

— Мне вновь придётся уснуть?

— Сожалею, — искренне ответила русалка. — Когда Топь поверит твоему желанию быть среди нас, ты станешь свободным.

— Ты можешь освободить меня сейчас? — Светозар попробовал подняться, но цепкие водоросли позволили ему лишь приподнять голову, мёртвым хватом сковав всё тело.

— Нет, — печально ответила русалка, погладив Светозара по щеке. — Ты ведь в плену... — Дева немного помолчала и, наклонившись к Светозару, поцеловала его. — Я ещё приду, — прошелестела навь и растаяла.

Светозар медленно опустился обратно и закрыл глаза. Тьма накрыла тёплой пеленой, как и водоросли... и тёмная рябь вновь мерно плыла.

ГЛАВА 4

Идти за Светом во Тьме

Во мраке не было ничего. Ни боли, ни ненависти, ни страха. Бесчувствие пленило, но в то же время сводило с ума. Марья хотела было открыть глаза, но не вышло — вокруг была лишь Тьма. Вновь. Досада и обида оживили русалочье сердце, но чувства быстро растаяли под мягким покровом бархата мрака.

Сквозь Тьму слышалась Песнь. Сначала едва различимо, будто сон, но постепенно музыка становилась всё отчетливее и яснее. Где-то тихо пела птица — её Песнь звенела, словно весенний ручей, искрилась, подобно солнечным лучам, и оведала теплом, как сладкий, пропитанный ароматом цветов, летний ветер. Птичья трель открыла взору благоухающие поля и дремучие леса, бескрайние моря и высокие горы, степные луга и быстрые реки — весь Свет, которого никогда не будет во Тьме, видела Марья. Тот мир, ради которого Светозар отправился во мрак и спас её, мёртвую деву. Воспоминание о Светозаре ослепило болью — Марья предала его, по доброй воле вернувшись к Морю из-за собственного страха. Гибель Светозара была напрасной.

Она не смогла противостоять мраку своей души.

Она подвела весь Лес...

Крик отчаяния вырвался из девичьей груди, и Марья открыла глаза: волки-мавки и русалки волокли её к воде Русалочьего озера, обратно во Тьму. Увидев, что Марья открыла глаза, навьи ещё быстрее потащили её к воде.

— Ну уж нет, сестрица, мы тебя не отпустим! — сильный хохот летал в холодном воздухе.

Марья пыталась вырваться — не получалось. Чем больше старалась освободиться русалка, тем крепче оплетала её чёрная паутина Тьмы, утаскивая в озеро. Тояга не было. Страх накатил вновь, но Марья, вспомнив о Дрозде, которого уже не слышала, запела песнь.

Русалка не помнила слов Светозаровой Песни — она, перестав сопротивляться, пела о своём. Пела о том, что явила ей Песнь Дрозда, о том, чего никогда не будет во Тьме: о полях и лесах, о солнце и небе, о морях и горах; пела о своём горе и погибшей любви; о человеческой жизни и новом бытии. И с каждым спетым словом мрак отступал, а почти померкший узор слов серебряной Песни разгорался вновь.

— Ты не посмеешь! — завизжали русалки, когда Марья ответил Дрозд, и кружево ворожбы Света вспыхнуло ярко.

Мавки разразились зауспокойным воем.

Но Марья продолжала петь даже тогда, когда её голова коснулась ледяной воды озера. Даже тогда, когда мавки, стараясь разорвать оплетающую их ворожбу, набросились на Марью с новой силой. Даже тогда, когда русалки, пытаясь вновь насрать на неё морок, опутали своими чёрными словами... Марья пела. И серебряная Песнь разгорелась ослепительным светом.

Кружево светилось, всё больше сковывая Тьму, руша чёрную паутину ворожбы навий. Дрозд кружил над стаей волков и пел вместе с Марьей. И когда первый проблеск сизого рассвета прорезал мглу, чёрные мавки, пленённые Песнью, не могли пошевелиться.

Марья видела, как волки, превратившись в неясные кучи веток, сели на берегу, сдерживаемые оплётшим их серебряным кружевом ворожбы. За мавками высился тёмный лес, острые вершины которого упирались в светлеющее небо.

Марья не чувствовала слабости, как смертные, — русалка медленно села, поправила разорванный сарафан и плащ и огляделась: серые, похожие на духов, русалки парили над водой и смотрели на неё запавшими глазами.

— Я готова и дальше противостоять Тьме, — сухо сказала Марья, вставая. Дрозд кружил над головой русалки. — Готовы ли вы пойти за Светом?

— Но ты сама видела, что огонь Хорошая нас погубит! — хором ответили русалки, наклонив головы набок.

— Нас погубит не огонь, нас погубит страх, сестрицы, — ответила Марья, отряхнула сарафан и подошла к лежащему на земле тоягу. Подняла его, и Дрозд, чирикнув, опустился на вершине. — Правда, птица? — Марья посмотрела на Дрозда.

Дрозд утвердительно пропел.

— Если мы спасём Лес, он спасёт нас, ибо даже в самой тёмной душе есть искра Света, — заключила Марья. — Светает, сестрицы, — русалка кивнула в сторону сизого восхода. — Я возвращаюсь в Йолк и жду вас там.

— Но как же мы туда попадём? — удивилась одна из русалок. — Йолк хранит ворожба.

— Вас пустит Дреф, учитель Светозара.

— Того сварогина, кто освободил тебя? — спросила другая, крутанувшись вокруг себя.

— Да, — кивнула Марья, и русалки с удивлением переглянулись.

Марья обратила взор на мавок, что, став кучей веток, всё ещё лежали, скованные ворожкой.

— Вы тоже можете помочь, — сказала Марья им и, подойдя к мавкам, смахнула с них ворожку: серебряные нити осыпались искрами.

Мавки было дёрнулись, но Марья стукнула тоягом оземь, и навьи, заскулив, отодвинулись назад.

— Примите своё обличье, сестрицы, — рассердилась русалка. — Хватит за лесными ветками прятаться.

Мавки, сипя, зашевелились: ветки осыпались, превращаясь в тёмный песок. Песок, кружа, поднимался и уплотнялся, обращаясь тьмой, из которой являлись чёрные создания. Только не волки предстали перед Марьей — тёмные девы в одеянии из коры и веток смотрели на дочь Леса горящими зелёными глазами.

— Сейчас ты победила, — просипела одна из них и шагнула к Марье, отчего с украшенной ветками головы мавки

упали сухие листья. — Но в следующий раз мы одолеем тебя, предательница.

— Я не победила, сестрица, — покачала головой Марья. — Я пришла за тобой. Я пришла за всеми вами. — Марья раскрыла руки, показывая и на мавок, стоящих на берегу, и на русалок, парящих над озером. Дрозд вспорхнул с тояга русалки и закружил над её головой. — Вы можете вновь напасть на меня, только я вновь обращаюсь к Свету. Я пришла за вами, чтобы мы вместе спасли Лес.

— На кой нам это надо? — удивилась другая мавка. — Погибнет Лес — и ладно. Мы-то всё равно мёртвые, — криво усмехнулась, отчего по её серому лицу разбежались морщины. — Какое нам до живых дело?

— И правда, — скрипуче согласилась ещё одна мавка. — Зачем нам это? — Навь, прищурившись, посмотрела на Марью.

— Неужели вам нравится коротать вечность на границе между Явью и Неявью, на границе миров? — удивилась Марья. — Неужели никто из вас не хотел стать свободным? Пройти во Врата?

58

— Глупы твои речи, — нахмурилась первая мавка. — Вечность и мрак бесчувствия — лучший дар. И ты сегодня это ощутила тоже.

Марья услышала русалочий шёпот: навьи согласно переговаривались.

— Да, ощутила, — громко ответила Марья, обернувшись к русалкам, и те замолчали. Низкое небо над острым лесом покрывалось пеплом рассвета. — И да, я помню, каково это — лесом лихо заправлять, без чувств и мук совести. Я обманом погубила Светозара, я сбивала путников с пути и топила людей в болотах, как и все вы. Знаете, почему мы так поступаем?

Русалки и мавки молчали. Сумеречный холод сгустился над водой.

— Мы так поступаем, чтобы хоть что-то чувствовать, — ответила Марья, и Дрозд, чирикнув, вновь сел на её тояг. — Мы ищем чувств, но их нет. Чужая смерть нам нравится только потому, что мы можем ощутить страх того, кого убиваем, — это то единственное, что нам подвластно, но оно

ещё больше пленит нас во Тьме. — Марья обвела взглядом и мавок, и русалок. — Но в каждом из нас есть искра Света, и в наших силах её разжечь. Будет больно, очень больно — как больно всем живым. Но эта боль освободит нас от пут, в которые мы заковали себя сами. — Марья немного помолчала и подошла к одной из мавок: — Вспомни, почему руки на себя наложила, — прошептала, глядя в зелёные глаза умертвия. — Вспомни, почему ступила во Тьму.

— Я не убивала себя, — прошелестела навь в ответ.

— Тогда как ты умерла?

Мавка, тяжело дыша, смотрела на Марью.

— Я не помню, — просипела.

— Помнишь — я вижу. — Марья наклонила голову набок, читая думы мёртвой. — Ты утопилась в Белой реке, после того как...

— Замолчи! — взвизгнула навь, и Марья умолкла. — Я не могу это слышать!

— Тогда скажи это сама, — велела дочь Леса. — Освободи дух, зажги своей болью искру Света — вспомни, каково это — жить, и стань свободной.

Мавка с ужасом смотрела на Марью; русалочий шёпот наполнял холодный рассвет: навьи страшились слов дочери Леса — того, что они пробуждали.

Марья, шагнув к мавке, коснулась её ледяного морщинистого лба и прошептала Слово, что когда-то услышал в лесу Светозар. Навь не успела отстраниться, и яркий свет прорезал вечную мглу бытия умертвия. Когда свет померк, мавка увидела мир, но увидела его иначе — окружающее дышало жизнью. Предрассветный лес пробуждался, наполняясь звуками: на лёгком ветру шелестели листья, где-то тихо журчал ручей и пропела первая птица. В травинках звенела роса и стрекотали кузнечики. Над озером стелился лёгкий туман, и небо окрашивалось серебром грядущего рассвета — мир не был ярком, но он заволаживал.

И тут мавка вспомнила свою жизнь — все радости и печали, свою любовь и ненависть, обиду и разочарование... Чувств было так много, что мёртвые глаза наполнились слезами.

На Русалочьем озере воцарилась тишина: и мавки, и русалки внимали давно забытой ими жизни.

— Когда будете готовы и примете Свет и с жизнью, и с болью, передайте Слово сёстрам и следуйте за мной, — тихо проговорила Марья и, оглянувшись на замерших русалок, добавила: — Я буду ждать в Йолке.

— У неё получится, — сказала Иванка и опустилась на мох Большой Поляны рядом с остальными лешими. Холодный предутренний час укрыл мир изморосью, в тумане которой за частоколом, окружавшим поляну, в синеве леса проступали жёлто-зелёные огни Йолка. — Ни Светозар, ни Лес не могли ошибиться.

— Но её слишком долго нет, — заметил Айул. — Руен¹ уже заканчивается...

60

— Может, она всех русалок решила собрать? — Явих взъерошил волосы.

— Да быстрее всем елмаганам дружину создать, нежели нечисть объединить, — поморщился Ватан. — Скоро вновь на Великую Поляну отправляться — ведь там будет собрано воинство Леса.

— Но Марья должна сначала прибыть в Йолк, так велел Дреф, — ответила Иванка. — Он же поручился за неё...

— Скоро рассвет, — посмотрел на небо Ватан. — Не думаю, что сегодня мы её дождёмся.

На Большой Поляне воцарилась тишина. Йари хмуро вглядывались в тёмный лес, простиравшийся за частоколом: мир замер в холодной предрассветной мгле. Низкое небо медленно светлело.

— Наверное, не сегодня, — нарушил тишину Ватан и поднялся. — Думаю, можно возвращаться в Йолк.

---

¹ Руен — сентябрь.

— Солнце ещё не встало, — возразила Иванка.

— Я тоже хочу, чтобы поступок Светозара не был напрасным. — Ватан подошёл к Иванке и положил лапу на её плечо. — Но если...

— Никаких «если»! — сердито перебила его Иванка, и Ватан опустил лапу. — Прости, — спохватилась лешая, и Ватан, кивнув, отвернулся и пошёл к Йолку.

— Наверное, я тоже пойду, — не смотря на Иванку, буркнул Явих. — Промок, кажется, до нитки, — добавил сконфуженно, встал и медленно побрёл к городу.

— У меня бы не хватило смелости поступить как Светозар, — тихо пробормотал Айул. — Я даже русалок ждать боюсь, несмотря на то что сие велел сам Дреф...

Иванка молчала, глядя на тёмный лес.

— Но я никуда не пойду, — продолжил Айул, и лешая удивлённо взглянула на него: елмаган печально смотрел в сторону леса. — Со своими страхами надо бороться, ибо страхи — слуги Мора.

Иванка улыбнулась и потрепала Айула по плечу:

— Пора, — тихо прошептала. — Йари правы — солнце вот-вот поднимется, пути мёртвых уже закрываются.

Иванка встала, Айул поднялся следом, и йари, опираясь на тояги, пошли к Йолку.

— У Марьи получится, — сказал Айул Иванке. — Только ей нужно больше времени.

Айул и Иванка смотрели на идущих к Йолку Явиха и маленького Ватана — их силуэты темнели в сером воздухе, пропитанном дождём. Туман тихо светился серебром, мягко озаряя мокрый мох, высокие столбы частокола и йарей. Пслышалась едва различимая Песнь — будто шелест леса наполнился высокими девичьими голосами.

Иванка остановилась, Айул — тоже. Явих и Ватан, повернувшись к Айулу и Иванке, замерли, прислушиваясь: серебряная Песнь становилась громче, полнее, отчётливее. Звенящая мелодия пела о мире, парила туманом, моросила дождём, возносилась в небеса и опускалась к земле, чтобы прорасти вместе с травой...

— Они пришли, — прошептал Айул.

Иванка кивнула.

Явих и Ватан молча подошли к Иванке и Айулу — йари встали спиной друг к другу, крепче сжав в лапах тояги: серебряное кружево Песни звенело вокруг, искрясь в сыром воздухе. То, что ученики князя так долго ждали, произошло. И, как бы ни было страшно встречаться с мёртвыми, юные ведан знали — это их испытание Леса перед великой битвой... Так Дреф велел закалить Дух перед грядущим.

Песнь набирала мощь, и дремучий лес, простиравшийся за частоколом, светился тихим серебром: сияние бежало по густым ветвям, струилось по стволам и возносилось в небеса.

Иванка, закрыв глаза, ответила ворожке. Слова Иванки подхватила Айул, следом вступили Ватан и Явих. Лешие отвечали русалочьей песне, что, делаясь сильнее, озаряла мир серебром.

Слушая Песнь, врата между столбами частокола вспыхнули ослепительно ярко, и на Большую Поляну ступила Марья. В изорванном сарафане и плаще дева с растрёпанными огненными волосами вышла из леса, ведя за собой навий, сиявших мёртвым серебром, — прозрачные духи ступали на мягкую землю Большой Поляны, и ни одна травинка не шелохнулась от их поступи.

Когда навьи пришли в мир Яви, перед поющими йарями явился из воздуха Дреф: великий князь Леса ударил тоягом оземь, и Песнь заполнила всё бытие. И чем громче пела Песнь, тем ярче светился узор слов.

Первый солнечный луч возвратившегося из Нижнего Мира Даждьбога-Хорса озарил навий, и их серебристое сияние померкло, открыв взору серокожих русалок, зеленоватых мавок и тёмных в засохшей тине болотников. Сил Мора было немного, но больше, чем полагал Дреф.

Марья умолкла, и Песнь стихла. Лешие открыли глаза.

Йари увидели князя — напротив Дрефа стояла уставшая Марья, над которой кружил Чёрный Дрозд. Русалка поклонилась Дрефу, и навьи последовали её примеру.

— Теперь взывать к мёртвым смогут и лешие, и берегини, и вилы, — тихо проговорила она, и Дреф кивнул. — Грань между мирами стёрта, но равновесие не нарушено — все

они, — Марья кивнула на стоящих позади неё духов, — явились в Свет по доброй воле.

— Я чувствую это, — кивнул Дреф.

— Нынче пришли не все, — продолжала Марья и, опираясь на тояг, шагнула к Дрефу ближе. Дрозд опустился на посох дочери Леса. — Но придут ещё. Если же на границу миров отправятся и вилы, и берегини, нам удастся провести многих.

Иванка смотрела на Марью и не могла её узнать: некогда белая, как снег, кожа русалки посерела, под глазами пролегли тёмные круги.

— Мы потушим огонь Хорохая и спасём Лес, — твёрдо сказала Марья. — И потом я спасу Светозара.

— Да придаст нам сил великий Индрик, — ответил русалке Дреф и обратился к навьям: — Можете оставаться на Большой Поляне. Только прошу сердечно, — полевик положил на грудь свою маленькую лапу, — не ступайте в Йолк. Не пугайте живых — они и так напуганы грядущим.

Навьи зашептались — ледяной холод наполнил осеннее утро:

— Как так?

— Нас к живым не пускают?!

— А говорили, что пустят!

— Марья обманула нас!

— Тише! — Дреф ударил тоягом оземь, и воцарилась тишина. — Вы не чувствуете ни холода, ни тепла, ни ветра — вам не нужны ни терема, ни избы, ни дома. Я понимаю ваше желание жить в Йолке, быть с живыми на равных, — говорил князь, и со всех сторон послышался одобрительный шёпот. — Но живые вас боятся. Я не могу лишить детей Леса последних спокойных дней, поэтому я останусь с вами. Я буду одним из вас, и мы разделим эту участь вместе.

Навьи удивлённо шелестели, переглядывались.

— Великий князь, — обратилась к Дрефу Марья, но полевик поднял лапу, и Марья умолкла.

— Возвращайся в Йолк с йарями, — велел Дреф Марье. — Тебе надо отдохнуть, ведь ты уже не навь.

Поражённая Марья удивлённо смотрела на Дрефа.

— Я останусь с тобой, князь, — сказала русалка. — Я... Но Дреф вновь поднял лапу, и Марья покорно поклонилась.

— Это испытание Лес послал всем нам, — ответил полевик мягко. — И каждый — и леший, и великий князь — обязан принять его.

— Идём с нами. — Иванка подошла к Марье и протянула русалке лапу. — Как дочь Леса, ты обязана слушаться Учителя.

Дреф кивнул Марье, и русалка взяла лапу лешей.

— Йари, — Дреф обернулся к своим ученикам, — передайте весть всему Лесу, что Марья возвратилась — грань между мирами стёрта. Пусть каждый, кто на Великом Вече давал Слово Марье, отправится в сумеречный лес и приведёт в Свет всех, кто готов последовать за ним по доброй воле. — Князь Йолка обвёл взглядом учеников, и лешие кивнули ему. — Только по доброй воле, — уточнил полевик ещё раз. — Силой к Свету не вести — добра от этого не будет.

Весть о том, что Марья привела в Свет навий и грань между мирами нарушена, облетела всю Тайгу — и Южную, и Северную.

Крылатые вилы и сохатые берегини заворожёнными тропами отправлялись к русалкам, мавкам и болотникам — ко всем тем, кто внял искре Света, переданной Марьей. К силам Мора являлись и лешие — даже ведаи князя Йергала из города Ольх навевывались в русалочьи чащи.

Не обошлось и без битв — не все навьи были готовы обратиться к Свету по доброй воле. Но желающие выйти из Тьмы, одолеть огонь и обрести свободу постепенно собирались и на Большой Поляне Йолка, и на Великой Поляне всего Леса; и на поляны Миро, Лесогграда и других таёжных городов всё больше приходило служителей Мора, последовавших за проблеском Света в своей мёртвой Душе.

Дреф исполнил Слово — полевик не покидал Большой Поляны Йолка — он говорил с навьями, рассказывал им о мире, поддерживая тлеющие угли Света в их душах.

Те дети Леса, кто не отправился в сумеречное межмирье к служителям Мора, тренировались в воинской науке и вооружбе — кто знает, какое ещё испытание явит тёмное будущее и удастся ли отвлечь войну.

И когда бор оделся в траур снега, на Великой Поляне собралось грандиозное войско, которое не видели ни вохвы сварогинов, ни ксаи колосаев. Но люди — дети Богов — чувствовали его силу — силу леших, вил и берегинь, силу русалок, мавок и болотников — детей Леса, что объединились, дабы защитить свой дом.

Когда же долину Вольхова потрясла великая битва при Ровновольске, сокрытое от человеческих глаз таёжное воинство подошло к кромке южного леса — к тем землям, где должно вспыхнуть пламя священного огня.

Впереди всех ждали битвы навьи, во главе которых была Марья — русалка, вновь облачившись в одеяние из хвои, вглядывалась в серый заснеженный бор, за которым белело поле и высились далёкие горы. Марья крепко сжимала в руках тояг и нож, и Чёрный Дрозд кружил над нею.

65

ГЛАВА 5

Да померкнет пламя

Хороксай Ильвасар, обернувшись Птицей Духа, летел прочь от сражения, что разливалось по земле болью и кровью: войска подле польхающей огнём границы Нового Каганата рассыпались чёрным жемчугом по белому снегу под холодным взором молчаливых гор.

Утлуг и Хизр остались позади; сизый орёл взнёсся над белой лесостепью и увидел идущее с востока войско северян.

Ильвасар не мог позволить, чтобы северная армия атаковала Новый Каганат — орёл опустился в огонь Хорохая,

что хранил завоёванные ханом земли, и стал им. Хороксай содрогнулся от неистовой боли, когда его тело, оставшееся лежать в покоех в Хизре, опалилось, приняв на себя всю мощь священного огня.

Невзирая на пожирающее и Дух, и тело пламя, Ильвасар зашептал Слова, что были услышаны остальными ксяями, — все, кто умел призывать Птиц Духа и не отправился воевать за Улад, вторили хороксаю. Голоса ксаев сливались в унисон и низкой песнью летели над огнём Хорохая, отчего пламя разгоралось.

И чем ближе подходило идущее с Востока войско сварогинов, тем неистовее ревел огонь, вздымаясь до небес...

66

— Великий князь Богдавлад! — Гонец остановил лошадь и поклонился князю Восточных островов, восседающему на коне во главе войска, собранного правителями островных княжеств востока Сваргорей. — Огонь высотой до небес вздымается вокруг завоёванных колосаями земель! Нам не преодолеть его границу!

— Тебя так испугало сражение, юнец? — нахмурился Богдавлад.

— Перед Перуном мечом клянусь, коли вру! — выпалили на одном дыхании витязь. — Надо поворачивать обратно...

— Да как ты... — начал было Богдавлад, но великий князь Латохи Яробуд перебил его:

— Великий князь, на горизонте, — пробасил Яробуд, и Богдавлад устремил взор туда, куда показывал князь.

За небольшими развалившимися домишками пологого холма хутора Южный, в котором уже никто не жил, за полосой разреженной лесостепи, что серой дымкой темнела над снегом, вздымалось далёкое пламя, протянувшееся до самых гор.

— Отец Сварог... — только и смог прошептать Богдавлад.

— Там нет колосаев, — говорил гонец с поклоном. — Только огонь...

— Моровы силы, не иначе, на стороне этих колосаев, будь они неладны, — покачал головой князь Ярова острова. — Надо разворачивать войско...

Жар опалил дыханием зимний лес — Марья не видела огня, но чувствовала его — надвигающуюся мощь, которую никто не в силах остановить. Дрозд кружил над русалкой.

Навыи позади оживились — Марья ощущала сгустившийся холод — силы Мора предвкушали грядущее. И в этом предвкушении чувствовались и томление по грандиозным свершениям, и страх погибнуть в огне Хорохая, и желание вернуться в Свет, и проблеск надежды... И боль. Боль от вновь зажжённой искры Света, что отгоняла Тьму.

Серые русалки замерли, слившись со стволами вековых деревьев; мавки обратились тенями, как и зелёные, одетые в засохшую тину, болотники.

67

Навыи, чую огонь, зашептали, и на лес опустился густой туман, почти такой же плотный, как и снег. И только светящиеся глаза выдавали мёртвое воинство Тайги.

Позади навий ждали своего часа ведаи леших, волхвы вила и берегинь — собирали Силы на случай, если у русалок не получится противостоять огню. А ещё глубже в Тайге схоронились облачённые в доспехи елмаганы и гаркуны, полевики со стрелами, вилы и берегини — если после того, как потухнет пламя, в лес явятся люди, дабы возжечь его, придётся защищать свой дом силой.

Марья, крепче обхватив тояг, тихо зашептала, Словом усиливая своё осязание. Её чувства обострились до предела, и когда русалка открыла глаза, сквозь сплетённые ветви заснеженных деревьев она увидела далёкое пламя, вздымающееся со снега вопреки законам природы и поглощающее всё на своём пути.

За Девятое небо

Огонь, рокоча, надвигался на лес: живая смертоносная стена, дышащая нестерпимым жаром.

— Пора, сестрицы, — едва слышно прошептала Марья навьям. — Вспомним о том, как ступили во Тьму, и болью потушим пламя, да разожжём огонь в наших душах и обратимся к Свету. Вернёмся на Дорогу Жизни и пройдём во Врата.

Слова дочери Леса были услышаны: русалки, мавки и болотники, зашипев, обратились тёмным дымом и растаяли в густом тумане, став им.

Туман сделался тяжёлым, пропитал всю Тайгу заупокойным мраком: даже те навьи, что не последовали за Марьей, вдруг обратили свои взоры на пронизывающий лес холод и устремились к нему, ведомые древней жаждой чувства.

Марья, подняв руку с ножом, в лезвии которого отражалось далёкое пламя Хорохая, зашептала, обращаясь к Тьме своей души — русалка вспоминала, как она ступила в огонь, из-за сковавшей сердце обиды, как пламя болью забирало её жизнь... Шёпот Марьи подхватили окружающие её навьи, и туман, темнея, уплотнялся, и заупокойный шелест слов едва слышимой Песнью струился по бору.

68

Ведаи леших, вил и берегинь зашептали тоже, усиливая ворожбу. Спрятавшиеся в глубине Тайги дети Леса увидели, как тяжёлая пелена тумана, будто море разлившаяся по лесу, наполнилась мраком, в клубах которого звучала протяжная Песнь вечной тоски погибающего мира.

Когда языки золотого пламени коснулись ветвей деревьев, за которыми стояла Марья, русалка, воткнув тояг в снег, ножом порезала себе оба запястья: кристальная вода вместо человеческой крови потекла на пленивший Марью чёрно-серый туман, и тьма вспыхнула, озарив лес серебром.

Марья, бросив нож, раскрыла руки, продолжая шептать: вода из её запястий струилась множеством ручейков по туману, серебряной волной вздымавшемуся между деревьев. Дрозд подхватил засиявшую тьму и понёс её к стене рокошущего огня: за маленькой чёрной птичкой устремилась мёртвая вода тысячами капель, собравшихся в облака.

И когда пламя огня Хорохая, воспетое ксяями хана, переметнулось на вторую полосу деревьев, море плотно-

го серебристого тумана, ведомое Дроздом, двинулось навстречу.

Марья продолжала шептать — мёртвая вода покидала её тело, обращая русалку в дым; и когда туман настиг пламя, Песнь навий невыносимым звоном заполнила бытие.

Хороксай Ильвасар содрогнулся от неистовой боли: крылья его огненного орла опалила мёртвая вода — подобного великий ксай предречь не мог.

Песнь мёртвых слилась с рокотом пламени в ослепительном танце: над лесом, будто море, волнами вздымался туман, с шипением наползая на огонь Хорохая и поглощая его. Перед Тайгой разыгралась битва стихий: над встретившимися водой и пламенем чёрный дым вознёсся до небес.

— Великий князь, оглянитесь! — прокричал витязь, и Богдавлад, не оставив коня, обернулся.

— Отец Сварог... — только и смог прошептать поражённый сварогин.

Пламя, почти достигшее отступающее войско, остановилось перед таинственным серебряным туманом, что поднимался над лесом гигантской волной. Тайгу будто потопило серебряное море, и князю показалось, словно в неведомом сиянии он слышит музыку. Музыка была до того прекрасной, что сердце щемило от глубокой, испепеляющей чёрной тоски...

Тоска разливалась по миру серебряной Песнью, и в её всполохах мелькали огни далёкого сражения при Ровновольске: конница колосаев разбивала армию сварогинов, что, достигнутая страхом, рассыпалась по потемневшему от крови снегу.

Богдавладу показалось, будто он видит сущее, и князь, сняв с пояса рог, протрубил в него, приказывая войску остановиться. Велев волхву наполнить его голос силой, Богдавлад обратился к остановившимся сварогином:

— Воины Сварога! Обуздайте страх в своих сердцах — нам помогают Боги! — говорил Богдавлад громко, указывая на туман, что уверенно теснил огонь. — Да будем достойны их помощи! Не повернём вспять — не поддадимся страху!

Крепче сожмём в руках меч и, когда померкнет пламя, двинемся в атаку!

Согласие разлилось над войском сотней голосов и достигло слуха Бессмертного.

Всё видел Кощей, будучи в плену.

Видел, как колосаи разбивали войска сварогинов — армия сынов Сварога пала при Ровновольске, — их добила конница колосаев.

Видел, как Песнь хороксаев возожгла огонь, что смертью двинулся на лес и на армию северян, шедшую с Востока...

И его пленённый Дух ликовал — засуха, воспетая Морovým словом, привела кочевников на северную землю, и теперь дети Солнца были его карающим мечом. Кощей знал, что придёт время, он уничтожит и карающий меч.

Вдруг Бессмертный ощутил невыносимый жар: обратив взор на лес, увидел серебряное море тумана мёртвой воды, катившее волны на стену огня.

Уверенность исполненной мести сменилась беспокойством и гневом. Кто смел ему противостоять? Кто смел его же войско — мёртвых — против него направить?

70

Но не успел Кощей призвать Слово, что вернуло бы ему силу навий Тайги, — нестерпимый гром потряс чёрное бытие, и его взор ослепил Свет.

Чёрная скорлупа Слов птиц Мора осыпалась под силой Света. С грохотом рушились ледяные терема, рвались цепи и шелестели Слова Песни, что пела ему явившаяся за ним дочь... Она вняла ему! Она даже погубила Василису, что он привёл обманом к Колодцу!

Кощей рассмеялся, и его смех превратился в рокот, от которого по льду побежали трещины, а ледяной ветер смёл всё на своём пути.

Этот ветер подхватил его и понёс к свободе, и он не стал возвращаться взором на поле битвы. Даже если навий Тайги и предали его, теперь, когда он вернулся в Средний Мир, его, Бессмертного Кощей, уже никто не сможет сокрушить.

Его поражение обернётся великой победой.

Победой над всем Светом.

Он бился с призраками.

Лязг мечей, стук копыт, рокот огня, вскрики дерущихся людей сливались в ледяющую дух песнь битвы.

Вель едва успевал отражать удары — бытие слилось в одно невозможное переживание. Всё тело ломило от побоев и усталости.

Иногда казалось, будто в гуще сражения мелькает алый плащ Любомира. Вспыхивает, словно огонь. Огонь, хранивший Новый Каганат. Стена пламени разгоралась, устремляясь ввысь, ведомая ворожкой людей Солнца.

Сквозь муку Вель видел, как разверзлось пламя, изрыгнув тяжёлую конницу колосаев.

Но витязь продолжал отбивать атаки, даже тогда, когда жар сделался нестерпимым. Вель не знал, почему ещё жив, не знал, с кем борется — со своими или с чужими, не знал, когда всё это прекратится... Он не знал, где кончается его онемевшая рука и начинается меч.

За сражением он видел пламя. Его рокот набирал мощь — Вель, отбив выпад и сокрушив очередного противника, побежал в сторону леса, но тут невероятной силы удар по спине повалил его на землю.

Боль разлилась по телу пламенем, дыхание перехватило, холодный грязный окровавленный снег забился в глаза, нос, рот... Вель с трудом приподнял голову, чтобы увидеть всадника-колосая с палицей, мощная атака которой повлекла во тьму.

Вель не видел, как пал великий князь Возгарь и как погиб великий князь Сновид. Не видел, как северное войско было разгромлено. Не видел, как ликовали колосаи и как их армия покидала поле битвы, уступая его огню, воспетому их волхвами. Не видел, как люди Солнца взяли Ровновольск.

Не видел, как ревущее пламя почти настигло и его, и лежащего неподалёку Любомира.

Не видел, как со стороны Тайги грянул волной серебряный туман. Не слышал ледяную песнь, воспевавшую павших, не видел заупокойного света, что, слившись с золотым пламенем, теснил его.

Не видел, как пламя священного огня Хорохая стало отступать. Не видел, как волхвы колосаев не могли воспеть его вновь...

Вокруг было слишком тихо. Тихо и темно. В тишине разливалась боль — от каждого вдоха и выдоха. Во рту — солоноватый привкус крови.

Вель с трудом открыл глаза: вокруг парил лёгкий туман; в свете алой Дивии и серебристой Луны тускло мерцал снег. Холодный, он болью касался раненого лица. Всюду лежали мёртвые — тёмные фигуры на грязном снегу; на горизонте чернела полоса леса.

72

— Печальное наступило время, — прошелестело позади, и витязь с трудом повернул голову.

Рядом с ним на снегу среди трупов сидел старик. Ветхий, как само время, в тёмных лохмотьях, коряжистый, будто сухое дерево. Его глаза тускло светились в окутавшем мир серебристом тумане.

Вель попробовал ответить, но боль не позволила сказать.

— Славный богатырь, душа у тебя чиста, — просипел старец и положил свою сухую крючковатую руку на лоб Велю. От тёплого касания боль утихла, и Вель ощутил, как по онемевшему телу бежит горячая кровь и возвращаются силы. — На тебе и друге твоём дело великое. Тебе рано отправляться к Богам — время твоей кончины ещё не пришло.

— Мы проиграли битву... — с трудом прохрипел Вель.

— То была не битва. Битва — впереди, — тихо ответил волхв.

— Но колосаи...

Старик покачал головой:

— Колосаи — не враги. Истинный враг только грядёт, как и битва с ним. — Старец печально улыбнулся и отнял руку ото лба юноши. — И ты — один из трёх великих богатырей, кто поможет одержать победу.

Вель хотел было возразить старику, но у него не получилось: тёплое умиротворение закрыло ему веки старческой ладошью.

В мире вновь настала Тьма. Только теперь во Тьме не было боли, не было печали. Была лишь спокойна тишина, что качала на волнах. На волнах далёкого испещрённого льдинами моря, по которому плыли корабли. Северная заря в вечной ночи лилась изумрудной лентой, освещая путь вернувшимся с Той Стороны. На носу флагмана стоял мертвец в обличье человека. Мёртвому были не страшны ни лютый холод, ни вечная Тьма, ибо он сам был Тьмой. Рядом с мертвецом хрупкая девушка с золотыми волосами хмуро смотрела вдаль.

— Я нашёл тебя, — проговорили рядом, и Вель, вздрогнув, открыл глаза.

В серебряно-красном свете лун он различил склонившегося над ним Любомира: юноша был весь в запёкшейся крови, лицо тёмное и грязное, волосы свисали из-под шлема зазелеными сосульками.

— Жив. — Любомир расплылся в улыбке. — Жив, хвала Сварогу! Я же говорил, что ты будешь отличным воином! — чуть ли не крикнул он и помог другу сесть.

Вель огляделся: они были вдвоём среди устланного телами бранного поля. Призрачные луны красным серебром светили сквозь туман, и трупы отбрасывали по две перекрещённые тени. Представший взору мир был куда страшнее того странно-го видения, что явилось ему после беседы со старцем. Где он?

— Тебя сильно ранило? — спросил Любомир, так и не дождавшись от Веля слова.

— Да, сильно, едва не отдал душу Птицам, — просипел юноша в ответ. — Меня какой-то старец вылечил. Руку на лоб положил, и боль прошла.

— Я тоже его видел, — нахмурился Любомир. — Но думал, это видения от увечья. Меня по голове ударили. — Любомир указал на вмятину на своём шлеме.

— Значит, тебя он тоже спас, — заключил Вель.

Любомир кивнул.

— Они захватили Ровновольск, несмотря на то что их пламя потухло. — Вель кивнул в сторону далёкого города, мерцавшего огнями сквозь густой туман. — Надо дойти до леса, пока колосаи не заметили нас и не разожгли своё пламя.

Вель кивнул, и Любомир помог ему встать. Слабость отозвалась ноющей болью, но Вель заставил себя сделать пару шагов к своему мечу, поднял его и убрал в ножны.

— Идём, — кивнул Вель Любомиру, и оба витязя, обходя мёртвых и раненых, заковыляли к тайге.

В морозной туманной ночи слышались стоны и всхлипы. Чья-то рука ухватилась за лодыжку Любомира, но он не остановился — колосаи могут отправить воинов добывать павших, и спастись под покровом леса не получится.

И только тогда, когда Вель и Любомир достигли леса и углубились в него, оба позволили себе отдохнуть, опустившись на снег подле могучей сосны.

Серебристый туман пропитал тайгу, отчего бор тихо светился.

74

— Ты когда-нибудь видел подобное? — спросил Вель Любомира, указывая на облачка освещающего лес тумана.

— Нет, — покачал головой Любомир и оперся спиной о ствол сосны. — Наверное, нам помогают Боги. И тот старец — не Сварог ли нам явился?

— Да какая разница, — пожал плечами Вель. — До ближайшего таёжного селения нам без припасов не дойти, у нас даже еды нет, а мы — не охотники. Хоть раны и неведомым образом затянулись, но тело болит... Если снег растопить можно... Эх... Сгинем с тобой в лесу либо от холода, либо от голода...

— А кто ж тогда твою невесту спасёт, раз ты помирать собрался? — хмыкнул Любомир, старательно отгоняя подобные думы.

— Не любит она меня, — вздохнул Вель. — Мы с ней только одну ночь танцевали на празднике Весны. Я думал, что влюбился, а она в Свагобор ушла.

— Может, стыдно ей стало, что гуляла, вот и ушла? — предположил Любомир. — Чего ж сразу не любит? Я ж помню, как вы с будущим тестем ладили!

Вель повернулся к Любомиру и хмуро посмотрел на него: в сером свете тумана сварогин выглядел плохо, но даже на потемневшем от грязи и крови лице ярко светились живые глаза. Дух у Любомира был силён.

— Если бы любила, или если бы я был по нраву ей, она бы хотя бы попрощалась. — Вель отвернулся и вновь устремил взор в лес. — А она меня забыла...

— Кажется, тебя ранило сильно... — попытался усмехнуться Любомир, но вышло слишком натужно, и юноша сделал вид, что прочистил горло.

— Я раньше не рассказывал, но её отец, Иван, говорил, будто Мирослава не только меня, но и праздник забыла, — тихо ответил Вель. — Прислала весть, что останется волхвой в Свагоборе, спрашивала благословение на послушничество.

— Её благословили?

— Нет. Я сам хотел к ней в Свагобор наведаться, извиниться, если она от стыда так отчаянно поступила. Но Иван пришёл ко мне, мол, вместе поедем — она тебя вспомнит и точно передумает давать обет волхвы.

— Вот видишь! Если отец считает, что его дочь...

— Сколько с тех пор времени прошло? — Вель покачал головой. — И сегодня, когда я едва не погиб, я не думал о ней...

— А о ком ты думал?

— Ни о ком. Я даже не испугался. — Вель немного помолчал. — Страшно было вначале, когда битва грянула... А потом... всё будто смешалось в нечто единое и невнятное. — Вель немного помолчал и вновь обернулся к Любомиру, который теперь тоже смотрел в туманный лес. — А ты о брате думал?

Любомир кивнул.

— Мне кажется, будто я увидел Радислава, — тихо сказал. — Но потом оказалось, что это старик, волхв. Он мне руку на голову положил, и боль отступила. А ещё он сказал... — Любомир вздохнул и умолк.

— Что он сказал?

— Да пустое, — отмахнулся Любомир. — Наверное, всё же увечье, — усмехнулся.

— Одинаковое у нас? — удивился Вель.

— Да что угодно может быть...

— Даже то, что старик и вправду существует, — продолжил Вель. — Он сказал тебе, что колосаи — не враги?

Любомир повернулся к Велю и, хмуро посмотрев на него, кивнул.

— Может, он от Мора тогда? — тихо предположил.

— А может, колосаи — и вправду не враги?

— Да что ты такое говоришь?! — поразился Любомир. — Они...

Но Вель указал на лес, и витязь умолк: туман засветился ярче, и послышались голоса. Нежные, едва различимые, но невероятно прекрасные пели щемящую дух Песнь.

— Да что же это такое, — нахмурился Вель и медленно поднялся. Любомир, озираясь, встал следом.

Песнь звучала громче, голоса звенели в ночной тиши, окружая Веля и Любомира. Оба юноши, едва держась на ногах от усталости и боли, положили руки на мечи.

Туман сделался плотнее — лес почти исчез в его пелене, — в клубящемся мареве являлись неясные фигуры. Но вдруг всё стихло, сияние померкло, и из чащи вышел старец в тёмных лохмотьях. Сухой, будто мёртвое дерево, он своей крючковой рукой опирался на посох. Глаза на заросшем лице тускло светились.

— Велижан меня зовут, — прохрипел, — дал обет служить матери-земле на заре веков. Спасти вас велел мне Лес.

Вель и Любомир невольно ступили назад — старец излучал силу, подобную которой сварогины прежде не встречали.

— Не надобно меня бояться, — скрипнул старик. — Я спас вас по велению Богов.

Вель и Любомир хмуро переглянулись.

— Боги велели спасти нас? — с недоверием спросил Вель, и Велижан кивнул.

— Да, чтобы вы отправились за Девятое небо, — прошелестел. — А для того вам надобно идти за мной.

— За какое небо? — оправился от удивления Любомир. — Ты нас спас, чтобы вновь убить?

Старец силпо рассмеялся и устало покачал косматой головой.

— Вот уж не думал, что люди настолько огуупели, — сокрушался волхв, удобнее обхватив посох. — Я могу вас завожить, но я хочу, чтобы вы вняли мне и поступили по своей воле.

— Ты будто дух нечистый! — нахмурился Любомир. — Неясное говоришь, запутать хочешь? То колосаи — не враги, то Боги велели нас спасти, то нам нужно отправиться за какое-то небо!

— Сколько с вами нынче мороки, — вздохнул Велижан и подошёл к витязям ближе. Молодые люди не могли пошевелиться — всё тело будто сделалось из стали, руки так и застыли на рукоятях мечей.

— Да явит отец Сварог вам сущее, — прохрипел Велижан и, воткнув посох в снег, положил обеим витязям на лбы руки. — Узрите и уверуйте...

Слова старца растаяли во тьме, заставшей бытие: исчезли Велижан, лес, серебристый туман, окутавший Тайгу, снег... Всё застлал мрак.

Бархатная тьма обволакивала и пленила, собираясь в неясные узоры, подёргивалась дымкой, бежала волнами... Волнами студёного северного моря, по которому плыли корабли — три маленькие точки среди вечных льдов.

— Грядущее нельзя изменить. Нить Судьбы слишком запутана. Эти суда несут на своих парусах великие беды, — шелестела тьма скрипучим шёпотом Велижана, — ибо они принадлежат настоящему врагу. Тому, кто приведёт мёртвое войско.

Тьма вновь сгустилась, чтобы, расступившись, показать искусные подводные терема морского народа. Великокняжеский терем, на престоле которого восседал мощный человек в покрытом известняковыми наростами платье, сотканном из водорослей и тины. Длинные чёрные волосы Морского Князя перехватывал украшенный камнями обруч, борода была заплетена в косу; зелёные, будто изумруды, глаза смотрели в самую душу.

— Именно там, в глубине вод, сокрыты врата, ведущие за Девятое небо, — прохрипел старик, и видение померкло.

Перед взором вновь простирался тёмный зимний лес.

Вель и Любомир, оба, тяжело дыша смотрели на Велижана, что, опершись на посох, внимательно взирал на них.

— Что это, к Морю, было? — спросил Вель и понял, что вновь может двигаться.

— Я вам показал грядущее, воззвал к вашим душам, — спокойно ответил Велижан. — Но даже увиденное вас не пробудило... — разочарованно прошептал. — Какая же беда в мире нынче, какая беда...

Старик сокрушённо покачал головой, отвернулся и, опираясь на посох, медленно заковылял в лес.

— Думаешь, стоит идти за ним? — спросил Вель Любомира.

Богатырь пожал плечами:

— Мне кажется, я сейчас ум Сварогу отдам, — признался он. — Но оставаться тут равносильно смерти. Если не найдут колосаи, замёрзнем насмерть или умрём от голода.

— Уж больно старик на навь похож, — сомневался Вель, смотря в спину уходящего волхва.

— А если он и вправду нас спас? — предположил Любомир.

— Потому что велели Боги? — нахмурился Вель.

— Я тоже ему не верю, — согласился Любомир. — Но если мы не последуем за ним, то погибнем точно. Я это сердцем чую. — Любомир хмуро посмотрел на друга. — Идём, — уверенно сказал он и пошёл вслед за Велижаном, который почти скрылся во тьме.

78

Сердце сковало холодом, и Дреф, закрыв глаза, зашептал, обращаясь Словом к Лесу.

Перед внутренним взором Дрефа предстала грандиозная стена огня, надвигающегося на Тайгу... Пламя рокотало, на-

бирало мощь. Полевик обратил взор на навий — Марья стояла во главе тёмного воинства и, закрыв глаза, тихо шептала; её слова подхватили другие русалки, и звенящая зауспокойная Песнь заполнила бытие.

Дреф видел, как в морозном воздухе искрился туман: стелился над снегом, оведал деревья, устремляясь ввысь и сливался с молочным небом, что белело сквозь тёмный узор крон над головой. Вторя русалочьей Песне, туман собрался со всей Тайги и, поднявшись над лесом грандиозной волной, метнулся на стену огня.

Дреф видел, как в вышине мерцали капли мёртвой воды.

Волхвы леших, вил и берегинь шептали, Словом усиливая ворожбу навий, и огонь не смог преодолеть силу, родившуюся в единстве Света и Тьмы. Песнь текла через весь бор мощным несокрушимым потоком, подхватывала капли мёртвой воды и теснила пламя Хорохая.

Рокочущий огонь то нарастал, то отступал перед туманом.

— Да поможет Марье Индрик, — прошептала Иванка, крепче обхватив копьё. — Да сгинет огонь, да не придётся нам воевать...

Йари находились в тылу собравшейся в лесу армии леших, вил и берегинь. В Тайге, окутанной тяжёлым туманом, царило безмолвное волнение.

— Кто бы знал, что навь станет дочерью Леса и всем поможет. — Ватан покачал головой.

— Поможет, — кивнул Айул. — И Светозара спасёт.

— Обязательно спасёт, — согласился хмурый Лый и поправил свой доспех — гаркун находился рядом с учениками Дрефа. Воспоминания о Светозаре — друге из мира людей — наполняли душу могучего лешего тоской.

— А теперь поможем мы. — Явих взъерошил волосы и, закрыв глаза, низко зашептал.

Остальные йари последовали его примеру — голоса леших низким рыком прокатились по Тайге, наполняя туман и своей силой. Воины народов Леса, ждавшие своего часа, подхватили Песнь тоже, и серебряный узор Слов, оплётший туман, засветился ярче.

Князь Дреф, ворожа рядом с Миродревой и Светоликой, видел, как пламя Хорохая, что взметнулось было до небес, стало оседать.

Морозный воздух, пропитанный духом войны, наполнился голосами поющих защитников Леса.

День перевалил за половину, когда Песнь мёртвой воды пронзительным звоном заполнила Явь, и огонь Хорохая, не выдержав, потух.

Померкло пламя, и туман осел, разлившись по лесу серебристым маревом: души навий таяли, покидая Средний Мир — среди тумана, который ещё долго будет окутывать бор, можно было различить всполохи серебряных и золотых крыльев птиц, устремлявшихся в Ирий. Души русалок, мавок и болотников, что по своей воле обратились к Свету, теперь были свободны. Их едва слышимая Песнь наполняла лес светлой тоской, а лёгкое сияние оведало щемящей грустью; и каждый, кто внял случившемуся, невольно вторил их Песне, провожая обратившихся к Свету в последний путь.

80

Густой дым поднимался с потухших деревьев, кустарников и степи, убранной чёрным покрывалом тлеющих углей; снег от огня растаял, и мокрую землю окутывал пар.

В лесу стоял едкий запах гари.

— Хвала Индрику, — прошептал Дреф, опершись на тояг. — Померкло пламя.

— Но колосаи смогут воспеть его снова. — Миродрева хмуро посмотрела на князя.

Голоса леших, вил и берегинь стихли — стоявшее позади Дрефа, Миродревы, Светолики и Йергала войско лесных народов замерло в ожидании грядущего.

— Не смогут, — уверенно ответил Дреф. — Я чувствовал их волхов духом — они не посмеют посягнуть на Лес. Что ещё я чувствовал... — Дреф покачал головой и махнул лапой: — Пустое...

— Марья? — тихо прошептала Светолика, и Дреф обернулся: из затмившего лес серебристого тумана вышла Марья.

Над полупрозрачной девой с тоягом кружил Дрозд.

— Я отдала слишком много мёртвой воды, — прошептала дочь Леса. — Моё тело почти исчезло. Но сил моего духа хватит для того, чтобы спасти Светозара.

— Марья... — ахнула Миродрева. — Если ты отправишься со мной в Мир, мы поможем тебе!

— Нет, — нахмурилась русалка. — Пока вы будете меня исцелять, пройдёт много времени. Светозар и так слишком долго в плену у Топи. Я хорошо знаю, что такое жить во Тьме — чем дольше находишься во мраке, тем крепче он пленит душу.

— Дух у Светозара очень силён, — ответил Дреф. — Он дожждётся тебя.

— Да, если отправлюсь сейчас. — Марья шагнула ближе к Дрефу. — Княже, открой мне замороженную тропу, что приведёт к Чёрному Озеру. Сил у меня совсем не осталось.

— Пусть идёт, — пробасил Йергал, хмуро глядя на навь. Елмагану претило то, что русалка всё же помогла Лесу.

— Марья? — из расступившегося войска вышла Иванка. За лешей следовали остальные йари и Лый. — Мы поможем тебе! — Иванка положила на сердце руку, с беспокойством глядя на русалку. — Мы пойдём с тобой. Правда, князь Дреф? — Иванка с надеждой посмотрела на Дрефа.

— Нет, — ответила Марья, и Дрозд опустил на её тояг. — Вы ничем не сможете помочь — Топь отпустит Светозара, только если я соглашусь стать её Хозяйкой. А в болоте тело не нужно.

— Марья... — нахмурилась Иванка и шагнула к русалке ближе. — Но ты же...

Марья предупреждающе подняла руку:

— Я сама в огонь ступила, — хмуро ответила она. — Я не прошла своё испытание жизнью. — Русалка посмотрела на Дрефа и, положив руку на сердце, спросила: — Княже, откроешь врата?

Полевик, опустив уши с кисточками, кивнул.

— Отправимся после веча, что проведём нынешним вечером, — сказал он. — Да прибудет с тобой Индрик, дочь Леса.

Хан Абдай медленно шёл по тронному залу великокняжеского терема Ровновольска — просторному с колоннами залу, в глубине которого подле деревянных статуй Богов располагался престол. Великий хан так и не запомнил слово, которым северяне называли свои резные идолы.

Тускло горели свечи, и сияло в огнивицах странное синее пламя, что было у северян в большом почёте, несмотря на то что не давало такого тепла, как золотое, да и спалить им ничего было нельзя. Абдай надеялся когда-нибудь разгадать и эту тайну.

За ханом Абдаем шёл его младший брат — высокий и статный Тевур, военный советник Мулак, хороксай Чакре, ловчий ксай Тохагу. Следом ступали другие ханы, что объединили свои силы в общей войне. За ними — воины — свита.

Абдай устало опустился на престол и посмотрел на поклонившихся ему людей, среди которых был и Тевур. Семью погибшего на поле брани великого князя, что осталась в городе, колосаи взяли в плен.

— Мы недооценили их силы, — прорычал Абдай. — Врожда их ксаев, что, видимо, затаились в Тайге, потушила священный огонь, — хан покачал могучей головой и исподлобья посмотрел на хороксая Чакре. — Почему Птицы Духов не учуяли их, а? — рыкнул так, что задрожали стены.

— Потому что в Тайге не было ксаев северян, — с поклоном отвечал Чакре. Тщедушный Мулак боязливо покосился на хороксая. — Огонь потушили не ксаи северян.

— Тогда кто сделал это? — рыкнул Абдай. — У кого хватило сил на подобное?

— Я уже говорил, великий хан, — положил на сердце руку Чакре. — Я чую мёртвых. И если мы воспоём стену огня ещё раз, мёртвые затушат не только огонь, но и заберут наши души.

— Будь ты низвержен во Тьму! — рявкнул Абдай, и все присутствующие вздрогнули. Тевур хмуро посмотрел на старшего брата: он давно не видел Абдая в таком состоя-

нии. — Какие, к Тьме, мёртвые?! И откуда у северян силы, чтобы использовать на войне порождения Тьмы?

— Даже если вы прикажете снести мне с плеч голову, я скажу, что то были не северяне, — спокойно ответил Чакре, и великий хан сжал кулаки. — Тайга сама себя защищала — сам Лес призвал мёртвых.

Хороксай перебил грохот распахнувшихся дверей, и в зал вбежал ловчий ксай. Поклонившись в ноги ханам, ксай проговорил:

— Армия северян напала на Хизр с Востока! — коло-сай не поднимал взора. — Хороксай Ильвасар при смерти, но у остальных ксаев получилось вновь возвести огонь — не могучий, но северян пока сдерживает!

— Срочно выдвинуть часть войск к Хизру! — рявкнул Абдай, вскочив с престола.

— Лучше, брат, отправить ксаев, — ответил Тевур, и Абдай грозно посмотрел на него. Ловчий, пятясь, отошёл к дверям. — Северяне пошлют ещё войск, дабы вернуть Ровно-вольск, а сил у нас не много осталось.

— Надо использовать пленных мужей из северного народа, — просипел Мулак, и все посмотрели на него.

— И как ты это представляешь? — нахмурился Абдай, продолжая стоять. — Ты бы пошёл воевать за тех, кто захватывает твои земли и убивает братьев и сестёр?

— Пусть наши ксаи нашепчут им Слово. — Мулак покоился на Чакре.

— Пленить Птиц Духа против веления Тенгри! — нахмурился хороксай.

По престольному залу прокатился взволнованный шёпот: хороксай Чакре чувствовал, что ханы готовы нарушить запрет великого Тенгри, дабы одержать победу. Но неужели захваченных земель недостаточно для жизни?

— Великий Тенгри ниспослал нам войну, — прищурился Мулак, глядя на хороксай. — И разве сие не говорит о том, что Он желает нам победы на новой земле?

— Конечно, говорит, военный советник, — сухо ответил Чакре. — Но пленить Птиц Духа — следовать Тьме, а не Тенгри. Мы отвоевали достаточно земель для нашего народа.

— Война — уже следование Тьме, — напомнил ксаю Мулак, и шёпот сделался громче. Абдай, опустившись на престол, хмуро смотрел то на Мулака, то на Чакре. — Если мы остановимся в войне, северяне соберут ещё силы — мы ведь все видели, сколько у них островов и земель! — продолжал военный советник, и в голосах собравшихся слышалось согласие. — Нам нужно создать на этой земле твердыню — государство, — которое северный народ не сможет одолеть. Только так мы сможем удержать эти земли. — Мулак помолчал, внимательно глядя на хмурого Чакре. — А для этого нам нужны люди. Если северяне будут воевать за нас добровольно, их даже не придётся убивать — ведь как ни старался великий хан, — Мулак поклонился Абдаю, — но многие из пленных добровольно отправлялись во Тьму, не желая служить нам. А мы их даже не обратили в рабство.

84

— Я согласен с военным советником, — громко проговорил хан Мюрид — высокий тщедушный муж с жиденькой бородкой. — Если мы не укрепим свои силы, мы можем не удержать с таким трудом захваченные земли. Ксаи должны не только воспевать огонь, что позволит нам пережить суровые холода этих мест, но и помочь своему народу, пленив Птиц Духа северян.

— А не повлечёт ли подобное гнев великого Тенгри? — засомневался хан Бердебекк — приземистый и полноватый человек средних лет.

— Пока мы ведём беседы, Хизр сдерживает врага, — рыкнул великий хан Абдай. — Я принял решение, ответ за которое будет на моей Птице Духа. Клянусь перед великим Тенгри. — Хан перевёл грозный взгляд на хорокса Чакре. — Собери ксаев. Плените Птиц Духа тех мужей севера, кто могут держать меч. И отправьте их к Хизру вместе с колосаями.

Хороксай Чакре хотел было возразить, но Абдай, грозно подняв руку, не позволил:

— Ослушаешься — снесу голову. И возьму этот грех на свою душу тоже, — прорычал Абдай, и Чакре поклонился великому хану.

— Я исполню ваше веление, великий хан, — сказал он. — Да поможет нам Тенгри в этой войне.

— Войско к Хизру поведёшь ты, Тевур, — великий хан обратился к брату. — Я с частью сил останусь в крепости — уверен, Север пришлёт ещё войск, дабы отбить Утлуг.

— Мы одержим победу, — заверил Тевур. — Никто не посмеет перейти границы Нового Каганата.

— Да будет так, — грозно заключил Абдай.

ГЛАВА 6

Кощей Бессмертный

Иссиня-чёрный бархат неба украшали алмазы звёзд. В безветренной тиши застыл лютый холод, исходивший из пустых очей умертвия, стоящего на мосту, сложенном из осколков Мёртвого Града, что парили над зевом бездонного Колодца, от которого паутиной протянулись по льду чёрные трещины.

Цепи на костяных руках Кощей звенели, ударяясь об осколки скорлупы Слов птиц Мора, что блестели на подоле истлевших лохмотьев Драгослава.

Злата, не отводя взора от мёртвого, медленно поднялась. Царевна с трудом держалась на ногах — её знобило от страха и холода.

Бронимир поднялся следом.

— Ты привыкнешь ко мне такому, дочка, — повторил Кощей — его голос сухим рокотом отзывался в груди. — И наша месть будет велика!

Злата не могла вымолвить и слова — она с замиранием сердца взирала на мертвеца. От взгляда Драгослава стыла кровь, в пустых очах умертвия была лишь тьма — первозданная, пустая, испепеляющая... Это не её отец... Великая Свагора, кто же перед ней?

Злата невольно шагнула назад, продолжая полными ужаса глазами смотреть на мёртвого, что стоял на мосту из осколков ледяных теремов, паривших над пропастью Колодца. Кощей повёл ладонью, и ледяные осколки, следуя его велению, сложились перед ним в лестницу. Взмахнул костяными руками, и останки массивных цепей, свисавшие с его запястий,

рассыпались в прах, как и осколки скорлупы Слов птиц Мора, что неприятно блестели на чёрном одеянии. Освободившись, Бессмертный медленно спустился по лестнице, и, когда он ступил на покрытую вечным льдом землю, ждущее его войско невольно отпрянуло.

Миодраг, взирая на Драгослава, молился и Полозу, и Сварогу. Чернек, как и Гудислав, не мог пошевелиться.

— Славные преданные мне воины! — пророкотал Кощей, раскрыв в приветствии руки. — Вам не стоит меня бояться! — Бессмертный подошёл ещё ближе к людям. — Вы освободили меня. — Кощей положил на сердце руку — обтянутые пожелтевшей кожей белые кости — и поклонился. — И за то вам будет великая награда! — гордо расправил острые плечи. — Весь Свет будет у наших ног!

Но люди продолжали затравленно смотреть на Драгослава. Даже Злата не проронила и слова. Кто-то из витязей пятился назад.

— Видимо, мой вид вас слишком пугает, — усмехнулся Бессмертный и, переведя взор на белую, как снег, Злату, что невольно жалась к Бронимиру, проговорил: — А ты, дочь моя? Неужели твоё сердце волхвы не чувствует родную кровь? — Кощей медленно пошёл к Злате, которая, заставив себя отойти от Бронимира, старалась смотреть на отца без страха. Но даже Полоз в тереме Бронимира испугал её не так.

— Ваш облик, отец, слишком... иной, — просипела царевна. Злата не решилась сказать Кощей о том, что она не чувствует в нём духа отца. Эта мысль пугала царевну не меньше, чем сам Кощей, а может, даже и больше.

Кощей остановился напротив Златы, и она ощутила неистовый холод, исходящий от умертвия.

— Ну же, дочь, обними отца, — оскалился Бессмертный, и Злата вздрогнула. — Неужто в твоём сердце так много страха? — Драгослав наклонил голову набок.

— В сердце Златы страха куда меньше, чем в сердцах каждого из нас, — с поклоном ответил Бронимир, и Кощей хмурым взглядом на него.

— Когда я обращаюсь к дочери, отвечать должна она, а не ты, смертный, — гневно прохрипел Кощей, и Зла-

та вздрогнула, когда он вновь повернулся к ней. — Так ты поприветствуешь своего отца? Я думал, ты рада меня видеть.

— Р-рада, — робко кивнула Злата и, сделав нерешительный шаг к Кощею, замерла. Она не могла даже протянуть Драгославу руки, не то что обнять. Неповоротливый ком страха, смешанный с опустошающим разочарованием и сожалением встал у горла. Злата старательно гнала прочь мысли, пытаясь увидеть в глазах Кощея отца, но волхвовское чутьё подсказывало, что...

— Ничего-ничего, — разочарованно покачал головой Кощей, — всему своё время. — Он положил на плечо Злате руку, и царевна с трудом сдержалась, чтобы не отпрянуть от обжигающего холода, сковавшего всё тело. Кощей, учуяв настроение царевны, криво улыбнулся и, убрав руку, отошёл.

— Миодраг, ты по-прежнему предан мне. — Драгослав подошёл к волхву, что смотрел на него почти таким же взором, как и Злата.

Миодраг, спохватившись, тут же поклонился.

— И ты боишься... — разочаровался Бессмертный. — Верные слуги мои! — Кощей окинул взглядом людей. — Неужели вы ожидали увидеть доброго молодца? — усмехнулся Драгослав так, будто треснул лёд. — И неужели страх перед моим внешним видом лишил вас разума?

— Прошу прощения, великий царь, — положил руку на сердце Миодраг.

— Ох, видимо, не настолько крепки ваши души, чтобы видеть моё истинное обличье. Придётся волхвовать, дабы общее дело продолжать. И чтобы дочь моя наконец-то приняла меня. — Драгослав бросил укоризненный взгляд на Злату, отошёл назад и, раскрыв руки, зашептал.

Вторя ледящему шёпоту, с костяных пальцев Кощея сорвался чёрный дым и окружил его. В дыме, следуя велениям Слов Бессмертного, рождались неясные призраки, что, превращаясь в искусные узоры, плотнее и плотнее окружали Драгослава, пока не скрыли его от глаз. Далёкий крик Ворона разрушил ворожбу, плотный мрак рассеялся, и перед людьми предстал Кощей: в чёрно-серебряном царском платье и пла-

ще цвета ночи; длинные чёрные волосы обрамляли молодое смертельно бледное лицо.

— Так лучше? — усмехнулся он и, обернувшись к Злате, спросил: — Теперь ты можешь подойти ко мне?

Злата смотрела в чёрные глаза отца. Она помнила его очи карими, живыми. Сейчас вид у Драгослава был вполне человеческий, но... Злата, решительно отогнав мысли, медленно пошла к нему. И чем ближе она подходила к Драгославу, тем больше узнавала в нём своего родителя — тот же гордый взгляд, тот же поворот головы, те же волосы и та же полуулыбка... Её отец, её самый близкий и родной человек, стоял перед ней. Тот, кого она и не надеялась больше увидеть... Он снова был в Среднем Мире. Он жив. Он с ней. Он никогда не даст её в обиду. И они вместе отомстят за маму... Неужели она так испугалась его облика, что не заметила истинной сути?

Слёзы защипали глаза, но царица не смахнула их; она подбежала к Драгославу и обняла его.

— Отец, прости, прости, — шептала Злата, обливаясь слезами.

88

— Тебе не за что извиняться, родная. — Драгослав обнял Злату в ответ. — Ты спасла меня. Ты вернула меня к жизни. Мы вместе отомстим за маму.

Злата плакала, не могла остановиться — она не чувствовала ледяного холода, исходившего от Кощея, не слышала сухости в его словах, не чувствовала того, что его сердце не бьётся, не обращала внимания на то, что её слезы застывают — она плакала до тех пор, пока внутри не осталась пустота. Тогда Злата медленно отстранилась от Драгослава, который заботливо погладил её по голове.

— Вот теперь я узнаю тебя. — Драгослав смахнул с её щеки застывшую слезу. — Я больше не буду пугать тебя своим истинным обликом, обещаю, — мягко улыбнулся Кощей.

— Отец, я готова принять его... — Злата смотрела Драгославу в глаза. — Я клянусь, что никогда больше не отвернусь от тебя.

— Я не сомневаюсь в твоей преданности, дочка. Но с истинным обликом я повременю. Да и зачем людей пугать? — подмигнул Драгослав Злате, и она улыбнулась.

Царевне показалось, будто с плеч упал неподъёмный камень — она поступила верно, ибо перед ней был настоящий Драгослав. Он говорил с ней, как в былые времена, по которым так тосковало сердце... Они вернутся в Солнцеград, свергнут Веслава с трона, и всё будет как раньше. Почти как раньше — мамы уже не будет. От мыслей о матери на глаза вновь навернулись слёзы, но Злата смахнула их.

— Не печалься, — успокаивал Кощей. — Мама навеки с нами — ибо она в наших сердцах — в твоём и моём, — шептал Драгослав, и царица кивнула. — Память — великий дар, благодаря которому мы можем быть с теми, кого любим, вечно.

— Мама вечно будет с нами, — согласилась Злата и, взяв Драгослава за руку, повернулась к людям.

Впереди всех стоял хмурый Бронимир, рядом с ним — Миодраг, за волховом — Гудислав и Чернек и остальные сварогины — все ждали Слова царицы и Драгослава Великого.

— Да здравствует истинный царь Сваргореи! — громко провозгласила Злата.

— Да здравствует истинный царь Сваргореи! — повторил Миодраг и преклонил колено.

— Да здравствует истинный царь Сваргореи! — положил на сердце руку Бронимир и тоже опустился на колено.

Следом за князем преклонили колени и остальные сварогины.

Злата улыбалась, смотря на коленапреклонённых под светом звёзд людей. Она прошла испытание Богов, у неё получилось освободить отца! Теперь справедливость восторжествует.

— Да здравствуют герои, освободившие истинного царя! — громко проговорил Драгослав и рукой повелел людям подняться. — Да прогремит слава о вас на весь белый Свет!

Люди поддержали Кощея; только Бронимир, несмотря ни на что, продолжал хмуро взирать на мертвеца в человеческом облике. Холод, исходивший от Кощея, чувствовался даже здесь, в самых северных землях мира. Но мрак силы умертвия ощущал только Бронимир — даже Злата вняла Кощею.

— Славные сварогины! — обратился Драгослав к людям. — Пришло время возвращаться — взойдём на корабли!

Повинуясь Кощею, люди пошли в сторону берега, где стояли пришвартованные суда. Бронимир, поклонившись Драгославу и Злате, шёл вместе со всеми. С каждым шагом князю Власова острова всё больше казалось, что Злата спасла не Драгослава — не так он представлял бывшего царя Сваргореи. И даже не истинный облик Кощея был причиной подобных дум — Бронимиру думалось, что явившемуся умертвию чуждо всё, и хорошее, и плохое, что внутри Бессмертного — крошечная пустота; и тяжёлое гнетущее предчувствие леденило душу князя.

— А где твоё войско, отец? — решила спросить Злата, когда они последовали за людьми к берегу.

Драгослав положил руку на плечо Злате, и царица не ощутила холода.

90 Моё войско ждёт меня у поля боя, — улыбнулся он. —
Всему своё время.

— Но как войско может ждать у поля боя? — не понимала Злата.

— Ты никогда не любила ждать, кудесница моя, всё всегда решала сама, — усмехнулся Кощей, и Злата вновь подумала о том, что перед ней — её отец. — Но в этот раз тебе придётся набраться терпения, дочка. Ибо в терпении — великая сила.

Бронимир, стоя у борта полуюта «Благосвета», хмуро смотрел на то, как удаляется Мёртвая Земля — сверкающие под светом лун, северной зари и звёзд ледяные скалы. Люди вняли Драгославу — даже Злата не отходила от Кощея ни на шаг... Конечно, царица так страдала по погибшим родителям... Бронимир заметил, что, когда Злата впервые увидела

Кощея, она не поверила ему. Она даже не смогла коснуться его. Но стоило Бессмертному прошептать Слова, как царевну будто подменили. И причиной был не облик Драгослава, в этом князь был уверен.

— Не переживай, никто тебя пока не заморозил, — вспомнил Бронимир слова странного старичка, явившегося ему в Святоборе Власо-Змая незадолго до отплытия на Север. — Это дело дней грядущих. И то, коли сам позволишь.

Неужели ворожба умертвия, явившегося с той стороны, одолела даже Злату?

— Но то, что заморозить себя не дал — дело благое. Коли хватит у тебя духу противостоять ворожке и далее, падёт твоя клятва с плеч. — Бронимиру показалось, будто старик находится рядом, и князь оглянулся. Кроме поморов, на палубе никого не было.

Горыч вновь плыл перед судами, прокладывая дорогу сквозь опасные льды. В вечной ночи горели алмазами звёзды, изумрудной фатой реяла Северная Заря. Сварожич в огнивицах горел, не позволяя холоду Неяви умертвить людей.

Злата невольно поёжилась и плотнее запахнула шубу. Царевна стояла на носу флагмана «Благосвета» и смотрела на далёкий горизонт, где испещрённое льдинами чёрное море сливалось с таким же чёрным небом.

Злата думала о том, что её отец с ней. Навсегда. Пусть впереди ждёт битва и со сварогинами, и с колосаями; пусть отец явит свою армию навий, когда сочтёт нужным, пусть Драгославу придётся убить Веслава, как она погубила Василису, но у них получится восстановить справедливость. Злата выдержала испытание Богов — они с отцом будут править достойно, и Сваргорей вновь будет процветать. Только как же Перун пропустит их обратно?

— Перун не посмеет обратить на нас свой взор, — бархатным басом проговорили рядом, и Злата обернулась: Дра-

гослав. Отец в чёрной шубе, скреплённой серебряной фибурой, улыбался ей. Царевна невольно улыбнулась в ответ.

— Ты защитишь корабли Словом? — спросила Злата, и Кощей, кивнув, встал рядом с ней.

— Если будет надобно. Лишний раз не стоит тревожить Богов, дочка. Мор даровал мне Слово, в силе равное Слову Богов. — Драгослав положил руку на плечо Злате, и царевна прижалась к отцу. — У меня есть могущественные слуги, о которых ты, душа моя, пока не ведаешь. На нашем пути никто не сможет встать.

— Какие у тебя слуги? — царевна положила голову на плечо Драгославу и устремила взор на море: среди льдин мелькал громадный хребет Горыча.

— Одного из них зовут Ний, — ответил Драгослав.

— Князь Морской? Тот самый, из былин о купце? — удивилась царевна.

— Тот самый, — согласился Драгослав. — Раньше он служил Полозу, но я его освободил от данного Змию Слова в обмен на его служение.

92

— А ты сам... — Злата запнулась, подбирая слова. Она не хотела обидеть отца. — Ты сам... Полозу ещё служишь? — пересилив себя, тихо спросила царевна.

— Нет, — мягко ответил Драгослав, и у Златы отлегло от сердца. — Я стал свободен от клятвы после смерти. После того, как Мор спас мой Дух.

— А мне... мне пришлось дать Полозу клятву, чтобы освободить тебя, — прошептала Злата.

— Я знаю, — кивнул Драгослав, и царевна повернулась к отцу. Он внимательно смотрел на неё, и Злате на мгновение почудилось, будто в чёрных глазах Драгослава сокрыта бездна. Но наваждение прошло, и царевна вновь видела вечно молодое лицо царя — он просто смотрел на неё. — Но тебе не стоит переживать из-за своей клятвы, дочка, — заверил Бессмертный.

— Ты освободишь меня? — с надеждой спросила Злата.

Кощей мягко улыбнулся, но в его улыбке не было участия. Злата ощутила в груди холод — неясное горькое чувство, — но тут же отогнала его.

— Тебе не стоит беспокоиться об этом, — мягко повторил Кощей, и тревога покинула Злату. Царевна кротко улыбнулась и, вновь устремив взор в море, положила голову на плечо отца. Если Драгослав говорит, что о клятве, данной Полозу, не стоит беспокоиться, значит, так оно и есть.

Время шло — корабли, ведомые «Благосветом», плыли по Океану Блуждающих Льдов. Мир светлел, и на горизонте занималась заря, — царство вечной ночи осталось позади.

Драгослав хмуро смотрел в окно своих корабельных покоев, сидя за деревянным столом. «Благосвет» шёл тихо — волн почти не было. Светлеющее небо украшали две луны — алая Дивия и серебряная Луна. Красный свет, сливаясь со стальным, струился сквозь стекло и разливался по убранству призрачным сиянием. Этот свет пробудил далёкие воспоминания о долгих зимах в царском тереме — когда Драгослав, мучаясь от беспамятства Змиева Дара, бессонными ночами обращался к своей пленённой душе. Порой его утешала Агния — её касания были мягкими, как шёлк. Будучи днём молчаливой тенью, она ночью своими объятиями забирала все невзгоды. Да, в то время тоже светили луны. Светили луны и раньше, когда, будучи ещё князем Борея, Драгослав жил вместе с Горицей... Но сейчас эти воспоминания не причиняли муки — они походили на сны, что тают в свете дня. Даже мысли о погибшей Агнии не сводили с ума — все чувства остались где-то далеко, уступив место пустоте, которую, кроме мести, ничто не сможет заполнить. Пустоте и испепеляющей злости бесчувствия. А ещё великой Силе, что являлась из этой пустоты, — силе Тьмы.

Драгослав опустил взор на свои руки — белоснежная кожа будто светилась в сиянии лун. Усмехнулся, прошептал про себя Слова, — и взгляду предстали истлевшие кости — вот какая нынче его суть.

— Ну наконец-то мы вновь встретились с тобой, слуга мой Бессмертный, — пророкотало рядом, и Драгослав медленно обернулся: тьма неосвещённых покоев корабля сгустилась, клубами парила над полом, и в этой тьме светили белёдые очи. Полоз.

— Я более не твой слуга, — вздохнул Драгослав и, прошептав Слово, вернул себе человеческое обличье.

— Для меня можешь не стараться ворожить, — усмехнулся Полоз, становясь всё более осязаемым. — Эх, какого слугу у меня Мор забрал! — наигранно вздохнул Змий, представ перед Драгославом мощным мужем.

— Зачем пришёл? — Драгослав откинулся на спинку стула и хмуро посмотрел на Владыку Вод.

— Ах, теперь ясно в кого Злата такая строптивая, — промурлыкал Полоз и, громыхая, подошёл к Драгославу ближе. — Несмотря на твоё Бессмертие и свободу, ты слишком дерзко говоришь с Богом, — прошелестел. — Твоя дочь мне клятву дала. — Полоз остановился напротив Драгослава. Луны освещали грозную фигуру Змия: морских змей, что оплели ноги онучами; длинную рубаху из сетей; свисающие вместо волос водоросли и белые с поволокой глаза.

94

— Я знаю, — ответил Драгослав спокойно.

Полоз наклонил голову набок:

— Я могу освободить её от служения, если ты мне вновь поклянёшься в верности, — улыбнулся Змий.

— Даже не надейся! Твоим рабом — Кощеем — я не стану. Никогда, — покачал головой Драгослав.

— А если я умерщвляю Злату? — прищурился Полоз.

— Она уже взрослая, сама ведала, на что шла, когда заключала с тобой союз. За свои поступки надо отвечать.

Полоз, не ожидавший подобного, опешил.

— Я думал, ты любишь свою дочь...

— Любовь — опасное чувство. Оно делает нас слабыми. — Драгослав продолжал бесстрастно смотреть на Полоза. — Как бы я ни любил Злату, рабом я не буду.

— Но она дала клятву, чтобы освободить тебя, — разочарованно рыкнул Полоз и наконец опустился напротив Драгослава за стол. Змий надеялся, что Драгослав для того,

чтобы освободить свою дочь от Слова, вернётся к нему в услужение, и они вместе захватят весь Свет. Полоз, помогая Злате спасти Драгослава, был уверен, что, сделав слугу Мора своим помощником, он завершит начатую много веков назад битву победой и сможет вернуться в Светомир.

— Я знаю, — кивнул Драгослав. — Я всё знаю, ибо я всё видел, будучи у Мора. Я знаю куда больше, чем ты. Но не думай, что сможешь запугать меня, Змий, ибо теперь я равня тебе.

— Как ты смеешь?! — прошелестел Полоз и, обратившись тьмой, окружил Кощея. Но Бессмертному не было дела ни до угроз Змия, ни до окруживших его навий. Драгослав даже не ворожил — он ждал, когда Полозу надоест пугать его. — Я убью твою дочь! — наконец гневно прошипел Полоз и растворился во тьме.

Кощей покачал головой и вновь устремил взор в окно. Бессмертному не нужен был сон — усталость мёртвому неведома. Как неведомы страх, боль, печаль, любовь и радость... Злата освободила его — только она могла силой Света одолеть Тьму. Даже если Полоз и убьёт Злату, Мор сделает царевну подобной Драгославу — бессмертной девицей без Души, — Кощей дарует Морю ради этого Веслава. И когда Злата обретёт бессмертие, они с дочерью будут править Светом вечно.

В том, что он покорит весь Свет, Драгослав не сомневался.

95

ГЛАВА 7

Клятва

Холодный ветер обжигал. Ледяные брызги, смешанные со снегом, застилали мир. Тёмное беспокойное море, испещрённое льдинами, сливалось с низким серым небом на горизонте.

Веслав плотнее запахнул шубу — несмотря на непогоду, князь не покидал носа «Ледогора».

За Девятое небо

— Сколько уже дней мы плывём, а земли всё нет, ваше величество, — тихо сказали рядом, и Веслав обернулся: Инагост. Вытянутое лицо, резкий профиль и угрюмый взгляд стальных глаз. Бывший главнокомандующий флотом отправился с ним — Инагост поклялся в верности Веславу и принял пост капитана ледового коча.

— Больше не обращай ко мне как к царю, — мрачно ответил Веслав и вновь устремил взор в море. — Я теперь князь, и только.

— Для меня вы всегда будете царём, — ответил с поклоном Инагост и, встав рядом с Веславом, тоже обратил взгляд на горизонт. — Вы не хотите спуститься на жилую палубу? Здесь слишком холодно.

— Не хочу. И это, Инагост, ещё не холода, — проговорил Веслав, не поворачиваясь. — Холод ждёт нас впереди.

— Вы сказали, что мы отправляемся за смертью. — Инагост помолчал, но, так и не дождавшись ответа Веслава, спросил: — Может, вы поведаете о том, куда мы плывём?

— Я велел тебе остаться в Солнцеграде, но ты сам выбрал сопровождать меня.

96

— Сражение на Блажене... Мне никогда не забыть его, — через некоторое время печально сказал Инагост, и Веслав хмуро взглянул на него: взор капитана был устремлён в море. — Как и крушение Солнцеграда, что милостью Богов мне удалось пережить. И ворожбу Полоза и Драгослава — после того, как они разрушили мой родной город, я служил им. Золотых витязей... Я бы на вашем месте казнил такого, как я. Но вы не только сохранили мне жизнь, но и оставили на службе. — Инагост немного помолчал. — Признаюсь, когда Ний пригрозил мне смертью, я испугался. Но как бы ни страшила меня смерть, то, что происходит на земле нынче, — куда страшнее. Люди забыли Десятину Полоза. Пало Слово Гор. В Солнцеграде слишком быстро венчали на царство Кудеяра. Царица Василиса... — Инагост, поймав на себе ледяной взгляд князя, спохватился и спросил: — Что это, если не Змиев Век? — Инагост хмуро посмотрел на Веслава. — Порой я думаю, что поражение в битве при Блажене входило в планы Полоза, чтобы случилось то, что происходит сейчас.